

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 45

1986

Владимир КРУПИН

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

Владимир КРУПИН

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

Рассказы

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1986

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин родился в Кировской области в 1941 году. После службы в армии окончил Московский областной пединститут имени Н. К. Крупской в 1967 году. Печатался в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Сибирские огни», «Огонек», «Сельская молодежь», много писал для «Правды», «Советской России», «Советской культуры», «Литературной газеты», других центральных изданий.

Автор книг «Зерна», «Живая вода», «Вербное воскресенье», «Кольцо забот», «Во всю Ивановскую», книг для детей. К 600-летию Куликовской битвы издал книгу «Меж Непрядвой и Доном». Произведения Крупина переводились на многие языки, выходили отдельными изданиями в Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше, Финляндии и других странах.

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

С детства я был обречен на безответную любовь — все девчонки, с кем я учился, были на два-три года старше и меня за человека не считали. Класе в девятом, после вечера, я осмелился тайно догнать одноклассницу Галю и сказать ей: «Давай с тобой ходить». Это повятски означало предложение дружбы. «С тобой?» — изумилась Галя и захохотала, так ей стало смешно. А я пошел топиться.

Дальше было также. Я утешал себя тем, что мне остается работа, что никто не запретит мне любить того, кого я захочу. А узнает она или нет, это пусть. И, может, самая моя пронзительная любовь обо мне так и не узнала.

Это Лолита Торрес. Когда, сидя на полу нашего клуба, я увидел ее на экране, не знаю, что случилось со мной. Все переменялось. Ее голос, как она шла из глубины дворца; когда ее лицо приближалось, у меня захлестывало дыхание. Свет зажегся, и меня будто застали на месте страшного события — будто меня убили и сейчас сбегутся смотреть. Я убежал, очнулся в сарае, отлично помню, как стонал и бился лбом о перегородку. Фильм назывался «Возраст любви». Возраст любви.

Любовь! Еще не было названо это слово, но кто же, как не она, сделала меня уверенным в том, что я вырасту, стану знаменитым и Лолита Торрес меня полюбит. А она обязана все эти годы быть мне верной и остаться именно такой же юной. Юной, рядом со мной, возмужавшим. Я представлял — вот я становлюсь таким человеком, о котором она не сможет не знать. Но и тут же, терзая себя, знал, что нет, не узнать обо мне Лолите. И все мучил и мучил себя этим, и не хотел, чтоб мучение кончилось, неосознанно продираясь к мысли, что радость может прийти только через страдания. По крайней мере в возрасте любви.

Недавно Лолиту Торрес показывали по телевидению. Она все еще поет, и прекрасно поет. У нее пятеро взрослых детей. Не от меня...

ПЕРЕДАЮ

Я шел о чем-то задумавшись, и даже вздрогнул, когда он крикнул:

— Думай хоть немного!

Резко остановившись, я ответил:

— Думаю.

Он засмеялся, протянул крепкую сухую руку. Я увидел седую щетину на подбородке, китель с медными пуговицами и повторил:

— Думаю, как же иначе?

Он выпустил мою руку, свою вскинул к козырьку кепки и объявил:

— Триста пятый полк, двенадцатая гвардейская!— сник, уронил руку и добавил:— Сколько polegло.

Я не знал, что ответить, и сказал негромко:

— Что ж теперь делать. Так уж... Ничего.

Еще помолчал и шагнул было, но он выпрямился и надменно произнес:

— Я не пьян! Фронтовые сто грамм.

— Я и не говорю, что вы пьяны,— ответил я и, пожав снова протянутую руку, пошел дальше.

Но он догнал меня и торопливо, громко заговорил:

— Живите! Ладно, погибли. Гусеницы в крови! Вы молодые... Если что, мы хоть сейчас. Гвардейцы! Грудью! Живите! Понял? Передай своим.

Я кивнул и зашагал, а он кричал вслед:

— Передай по цепи! Слышишь?! Всем передай!..

Передаю.

НА ПОЧТЕ

Сижу на деревянном крыльце почты, жду газеты. Старуха сидит рядом. Молчим. Подходит еще старуха, начинает медленно подниматься по ступеням. Увидев, что я встал, машет рукой и говорит: «Ой, да сиди-ко, сиди, еще насидишься, пока доползу».

Взошла и села. Почтальонка, увидев ее в окно, выносит ей открытку.

— Вот хорошо, Сергеевна, зашла. Мне хоть в такую даль не ходить.

— Нак-ко че вышло,— весело удивляется старуха,— еще и на письмо натакалась. Прочти-ка, Анют.

Подружка громко читает новогоднюю поздравительную открытку.

— Это ведь, знаешь кто,— говорит Сергеевна,— это ведь Надя, постоянщица. Больше ничего не пишет, поздравляет только?

— Как не пишет, пишет. Замуж, говорит, не вышла?— дак выходи.

Обе старухи хохочут.

— Выйти-то надо бы, могилу некому копать, да жениха-то нет.

— А Иван-то Николаич?

И снова обе смеются.

— Жени-их,— презрительно тянет Сергеевна.— Привез мешок ячменю. В кошовке катал, катал, не знает, как взять, как поднять. Я подхватила под одну руку, потащила. Он за мной идет, к женитьбе подговаривается. Жених!— без груза запыхтелся. Думаю, еще помрет у меня во дворе, взяла его под мышку, отнесла, положила в кошовку: «Поезжай, не надо». Откуда ему силу взять, тяжелей карандаша ниче не поднимал. А уж как берегся — будильника в жизни ни разу не завел, чтоб на работу не проспать. И за подол никто не тянул, ись не просил. Так, валиком, и прокатился. А все одно — завод кончается. Ой,— внезапно говорит старуха,— ведь надо Наде-то тогда ответить. Не попрошу ли кого написать?

Я наслался помочь, старуха обрадовалась, купила открытку. Переписал с полученной открытки адрес, приготовился.

— Пиши: «С Новым годом, Надя, с рождеством, уж до Нового года не успеет. Спасибо, Надя, не забываешь, а свои забыли. Здоровье вовсе ни к чему, хожу только, чтоб видели, что живая, да за хлебом. Снегу мало, один лед, дак никуда и не пойдешь, так и брожу ближе к краю».

— Это на открытке не уместится. Я вот тут остановился: «Свои забыли, а ты, спасибо, не забываешь».

— Ой, да это-то нет, ладно уж, не пиши. «Спасибо, Надя, здоровье желает. Ничего, пока еще шарачусь потихоньку. А вот от коровы отступилась. Летом приезжай, конечно, и парня привози, ты же это знаешь».

Кой-как улепив старухину диктовку, я подписал внизу фамилию и промокнул.

— Вот какая везетень,— радуется старуха,— писаря нашла. Так-то я на склад схожу, мне мужики пишут за папиросы. Тебе взять? Не куришь? А и правильно! Ой, не напишешь ли еще одну?

— Да хоть сколько.

— Хоть сколько-то некуда. А уж дочери надо.

Старуха покупает еще открытку, на память диктует адрес.

— «Здравствуйте, Надя, дочь-то тоже Надя, Леня, дети и сватья. Чего вы ничего не пишете, ровно умерли, не живы...»

— Вначале напишу: «С Новым годом».

— Это конечно. «А нужна была, навеличивали, меду всегда наливала, не весила...» Но ты это все не пиши, а напиши: «Пока, слава богу, жива-здоровая, за хлебом хожу сама, а так больше никуда не хожу, корову порушила, одни курицы, доедают за мной. Завалинку не наладила, весной, боюсь, вода подойдет. А приедете, молоко можно брать у соседей, даром нальют, всю жизнь моются в моей бане. Еще

жила посторонняя женщина с ребенком, разведенная, им понравилось, просят еще. Зовут тоже Надя. Навезла всего — и платье, и халат, и свое пальто, крепкое еще, и хватит мне всего до самой смерти. А еще кладу на книжку, сколь могу, и написала завещание на тебя, а приедешь хоронить и покажется мало, не обессудь. Была корова, так хоть кто литр возьмет, кто два. Старшего твоего я помню, а младшего совсем не знаю. Пошлите карточку, повешу в рамку...» — Старуха увидела вдруг, что я не пишу. — Место кончилось? Ты как написал?

— Поздравление с Новым годом и чтоб приезжали.

— Верно, верно. Еще напиши заодно и с рождеством, и с крещением, и с благовещением. Раньше-то ответить не соберутся. Вот уж спасибо тебе! Так не куришь? Так, может, хоть пива кружку выпьешь?

Я откасался. Старуха стала расспрашивать меня, кто я, зачем я тут, и все поддакивала и спрашивала о местных родных, и когда я сказал, что тут родных у меня нет, то все не могла понять, зачем я приехал. «Летом так понятно бы, для отдыха». Звала к себе в гости. «Хоть чаю попьем».

Я обещался прийти.

НЕ РОИ ДРУГОМУ ЯМУ

Пословица эта невольно вспомнилась, когда мне рассказали случай, бывший недавно в Кирове. Одному мужчине перед отпуском выдали и отпускные и зарплату, и еще так сошлось, что подошли премиальные и вознаграждение за рационализацию. Денег получилось рублей шестьсот. А в кассе не было иных денег, только трехрублевые ассигнации. И мужчине трешницами, новенькими трешницами отсчитали всю сумму.

Желая и посмешить и обрадовать свою жену, он разложил эти новенькие денежки в квартире на столах, на подоконниках, на полу.

Тут ему позвонил сосед. Вошел и обомлел — в квартире все аж зеленело от денег. Сосед чуть не зааикался: «Что это?» А мужчина был веселый, придумал с ходу ответ: «Да вот, наделал, сушить разложил».

Сосед побежал домой и позвонил в милицию. Так и так — приезжайте, поймаете фальшивомонетчика.

Милиция приехала. Деньги так и лежали. Милиция с ходу спросила: «Где станок?» Сообразив, отчего заявила милиция, мужчина пошутил: «У соседа прячу».

Один остался, двое пошли к соседу. И что же? Накрыли в квартире сделанный из дефицитных заводских деталей огромный самогонный аппарат.

СТРАХ

Никогда не забыть, и пока не запишу, так и не отступится от меня ужасное воспоминание, когда я лежал в госпитале в Наро-Фоминске и после операции ходил на процедуры. Там было много разных ребят, но больше темноволосых, южных. Одному поставили банки. Поставили впервые в жизни. Это его страшно испугало. В госпитале с нами не церемонились, делали все на виду у всех, и я видел, как от ужаса у него расширились и покраснели глаза, как он вцеплялся белеющими ногтями в желтую закапанную клеенку. И, видимо, так получилось, что про него медбратья забыли. Мне уже закатали укол, велели самому отдира́ть бинт, а парень все лежал.

И вдруг он с диким ревом вскочил, хватался руками за спину, не доставал, тогда метнулся к стене, которая была заляпана застывшей нервной штукатуркой и стал тереться спиной.

У меня вся моя боль прошла — еще бы: эта спина в черных буграх, бугры в крови, в стеклянных кольцах, оставшихся от разломанных банок.

Тут можно добавить, как медбратья наподавали ему, как раскалывали и снимали стекло, но, думаю, хватит.

ДО ЧЕГО ДОШЛИ

Что нравственнее — волейбол или косьба? Футбол или колка дров? Разумеется, последнее. Дико представить занимающегося спортом монаха-отшельника, живущего более ста лет, бодрого, ясного умом и духом. И пищи его — вода, хлеб и овощи.

Поневоле такие сопоставления приходят в голову, когда видишь, что все пространства между городами заполнены десятками тысяч турбаз и спортивных лагерей, а в них — миллионы людей, тренирующих непонятно для каких подвигов свои тела. Они бегут мимо работников, согнувшихся над грядками, мимо колющих дрова и несущих воду, мимо пастухов, взирающих на спортсменов в насмешливом недоумении. Что до того спортсменам! Они значительно кого угодно. Посмотрите вокзалы, аэропорты — как энергично, уверенно, пренебрежительно к публике идут коллективы спортсменов, как проносятся мимо переполненных автобусных остановок полупустые автобусы спортивных обществ, как, развалясь каждый на два места, сидят, полулежат в них физически совершенные люди. О, они знают, что не они обслуживают зрителей, а зрители их. Они выложатся, когда надо, но они и потребуют, что надо за это. Они смеют так вести себя, ибо век спортивной славы короток, а потом... как знать, что будет потом... «Время мчится все быстрее, — поют они, — время стрессовых страстей... Темп — наш современный чародей».

Они бегут, эллински прекрасные, олимпийски спокойные, арийски уверенные в себе. И интересно, что стихают возгласы в их адрес: «Лопату бы вам в руки!» Как-то не пристала лопата этой дорогой и все дорожающей спортивной форме, и вообще всему их виду. Не представлять же рысака работать водовозной клячей.

— Господи,— говорят старухи,— не знай, до чего дойдем, а уж до чего дошли.

Старухи сидят на обочине около магазина и ждут продавщицу — уехала за хлебом и макаронами. Мимо, начиная поддавать в скорости, чтобы не опоздать к обеду, бегут их внуки. Инструктор едет сади на велосипеде, подгоняет. Включает для бодрости магнитофон. Тот орет на всю окрестность: «Это не просто гимнастика, это зарядка души...»

КОЛОКОЛ

Рассказ старой женщины

— Совсем нельзя пить. Капли нельзя! Я из-за вина отца и сына лишилась. А мужа на войне убило. И могила где, не знаю. А отец и сын — на моих глазах. Про сына не буду рассказывать, вся изреусь, а отца надо вспомнить. Он звонарем в церкви работал. Выпивал, но в посты держался, это ведь в церкви строго. А тут, в филипповский пост, перед рождеством, согрешил. Идти звонить, а он с похмелья. Мама вся испереживалась: «Лучше бы ты не ходил». Нет, супрямничал. Поднялся на колокольню, а главный колокол был в триста пудов, его потом вверху на части разбивали (а главный колокол был) и по кускам сбрасывали, серебра в нем много обнаружили. И вот отец раскачал язык и ударил, и с первого удара его паралич-то и разбил. И на восемь лет. Принесли его дякон и батюшка. И потом навещали, яиц принесут или творогу. Пенсии-то не было. Мать убивалась и с нами и на работе, а ведь самое тяжелое — его обиходить. Керосинок, примусов не было, это потом мы стали богатыми, только печка и самовар. Воды нагреет, его приберет, стирать. Да к ночи на речку.

А она легко умерла. Я уже со своими водилась, бегут за мной: «Беги, мама умирает». Я прибежала, голову ей подняла, на руки взяла. Она поглядела, говорить уже не могла, вздохнула. Потом глаза сильно-сильно зажмурила и еще раз вздохнула.

У нее было два мешочка муки, да картошка была, масла деревянного бутыл, рыбы немного. Все это на поминки ушло. Это сорок второй год был, голодно. Люди идут и идут. Суп в двух ведерных чугунах варили. Потом девятый, потом сороковой день, так все продукты и ушли. А похоронили ее рядом с отцом на почетном месте у церкви. А уж сыну тут лежать не досталось.

Ох колокол был! Ударит, бывало, отец — во все стороны слышно. Меня с собой брал. Надену платочек и за ним, как собачонка, по витым лестницам бегу. Вверху страшно. Он раскачивает язык, а я присяду в угол и уши зажимаю. Он смеется. Да петь начнет. На пасху: «Все идите в гости к нам, в гости к нам...».

ЛЕВОРУЧКА

Рассказ женщины о сыне-левше

Пришла женщина и стала советоваться, как найти правду. Она работает в домоуправлении, у них очень нехорошая, грубая начальница. Но она как-то сумела угодить своему начальству и ведет себя вызывающе. Приходили к ним проводить собрание, высказаться никому не дали, заявили, что менять ничего не намерены, вручили грамоты за хорошую работу и все осталось по-прежнему. «Нет,— сказала женщина,— у меня так на предыдущей работе не было». — «Может быть, вам туда вернуться?». — «Нет, я тут из-за сына, он тут же работает». — «Вас за семейственность могут упрекнуть». — «Всем бы такую семейственность: он-то тоже дворник. Я его оставить одного не могу». — «Почему?»

И женщина рассказала историю сына. Рассказала как о привычном горе, начальница в данное время занимала ее больше.

Сын, он старший у этой женщины, болен. У нее еще трое детей, они все здоровы. И у нее с мужем в родне все здоровы, то есть болезнь сына не наследственна.

Из-за насмешек вышло. Квартиры не было, жили в общежитии, оставляли когда с кем. Соберем по этажу всех: и постарше и ползунков, оставляем с той матерью, у которой смена выходная или в ночь идти. Кто-то и хорошо смотрит, кто-то только за своим. Нервным рос. В школу пошел, того не легче, оказался левша. Мы это за недостаток не считали, он все делал. Но учительница уперлась, стала переучивать и нам велела. Она учит, мы учим — ничего не выходит. Не пишет правой и все. По врачам пошли, дошли до профессора. Он говорит: ничего особенного, пусть и живет леворучкой, но учительница все равно требовала. Даже сама линовала тетради в косую линейку для правой руки, мы линовали. Он старается — не выходит. И он ревет, и я реву.левой пишет нормально, правой мучается. А учительница: не нужна мне белая ворона, все одно выучу. Стала через детей действовать, а им только дай волю, смеются над ним. Посылала пионерский патруль на дом проверять, какой рукой пишет.

Тут нам квартиру дали в новом районе, но в нем школ еще не было, возили в старую. И он очень любил ездить. Влезет в автобус и прямо к стеклу, к кабине — не оторвать. Тут у нас другой ребенок, не смогли

каждый день провожать, он стал один ездить. Соберется с радостью и убежит. Меня вызывают — пропускает учебу. А его целыми днями нет. Катался он, ездил с шоферами до конечной. Они спросят: почему не в школе, от ответит, что во второй смене, а после обеда они сменяются, он говорит, что был в первой. И он им очень помогать любил, так-то он ласковый, услужливый. Они его узнавать стали.

Когда в этом районе школу открыли, та, первая, учительница его не перевела в пятый класс, написала, что неспособен к письму. А он был способен, ему сидеть второй год было легко, и он стал снова убежать. Отец его наказывал, но и жалел. Только машиной и могли заставить учиться. То есть пообещаем купить разборную машину, он ходит, а купим — он ее сразу разберет и собирает, и быстро доломает, надо следующую, а где денег напасешься?

И убегал. Завел блокнот, знал все маршруты, записывал остановки, и особенно полюбил пятый, он от Шаболовки через центр к Савеловскому вокзалу. Сколько я его караулила на Октябрьской площади. Все думали, что просто увлечение, но он относился всерьез. Утром собирается, торопится, говорит: нельзя опаздывать, прогрессивку снимут. Школу запустил. Еще его довели тем, что его диктант повесили на стенгазету и нарисовали рядом курицу, мол, как курица лапой. А это уже был седьмой класс. И он уперся: ни в какую не пойду. Он был рослый, его приняли в вечернюю школу. Он туда пошел с радостью, тем более там не спрашивали, какой рукой пишет, лишь бы учился. Там стал курить. Отец бил, но он уже мог и сдачи дать. Собирал окурки, мы боялись, что сразу домой притащит, не смогли отучить, пришлось папиросы покупать.

Каждое утро вскочит, еду похватает и бежать. То в парке кто-то заболел, просили подменить, то еще что выдумывал. В вечерней нашлись и шофера, стал к ним бегать. Привыкли, давали помогать. Уже и автобус на мойку отгонял. От слесарей не отходил, те и рады: нашли дурака. А мне сколько всего добавилось — каждый день перемазанный. Да и это я была бы согласна, но однажды что случилось — он выгнал автобус на пятый маршрут и поехал. Тысячи раз ездил, едет, объявляет остановки. И как-то в парке не хватились. Билетов в кассе не было, он объявил, что маршрут идет в Фонд мира, и деньги бросали без билетов. И никто не удивился. Мало того, автобус вел и рассказывал о достопримечательностях. У Каменного моста, после улицы Димитрова, сложный разворот. Он его выполнил и встал перед красным. Милиционер смотрит — водитель уж очень молодой. Потребовал водительские права. «В парке оставил». Тот номер посмотрел, по радию запросил, тогда только хватились. Уже Андрей до конца маршрут проделал и ехал обратно. Тут забрали, тут в милицию, оттуда на обследование. Меня вызвали — лечить принудительно. Отдали в спецполиклинику. Оттуда вышел, был весь вялый, сонный. С полгода из него выходило, но в автопарк ходил постоянно. Там

побывали из милиции, велели гнать его, не пускать. Один водитель мне говорил, что Андрею чуть-чуть бы до восемнадцати подождать, сдать на права, и водил бы себе и никто бы ничего и думать не думал.

Стал Андрей сам строить машину. Никакой сараюшки нет, что натащит, то и разворуют. Домой принесет, а куда в дом — там кровати одна к одной. Но мы даже и на это шли, чтоб был при нас, жались по углам. Но пришли из домоуправления, ничего про его состояние не слушали, велели железо выкинуть. Кому-то мешало. Выкинули.

Он снова стал пропадать. Нам сказал, что устроился. Но опять попал в историю. Не на угоне, а прямо в парке. В другом. Разворачивал автобус и стукнулся о другой. Поместили уже во взрослую лечебницу. Там одни алкоголики да ненормальные. Нахватался всего. Вернулся, упрекает, что это я его сдала. Как же я-то? Мы еле пятьсот рублей собрали, чтоб за аварию покрыть, а нет, был бы суд, еще бы хуже. И опять он стал ездить будто на работу, только стал наряжаться почище. И письма стал писать. Там какие-то в лечебнице Оля и Наташа, им все пишет. Младшие над ним смеются: прямо Лев Толстой, левша! Читают потихоньку. Пишет им о работе, что машину надо подремонтировать, за пережоги вычли, что решил и сам подлечиться, избавиться от водки, хотя ни грамма не пьет. Стал вещи из дома таскать, это эти девицы его подучают, просят, чтоб помады им купил, духов. Если оставить сумочку, залезет и обчистит, оставит на жизнь немножко. Никогда не сознается, говорит; сами потеряли, на меня сваливаете.

Вот и устроила в домоуправление дворником. Его послали с крыши снег сгребать, я испугалась, не пустила, сама полезла. А ей, начальнице, не нравится: правила нарушила. Или младшие ему помогают участок убирать. На работу он ходит исправно, только иногда пропускает. Это оттого, что он работой считает не эту, а свою, в автопарке. Скажет, что у них собрание и нельзя пропускать. А в письмах пишет, что заставляю работать в две смены...

И женщина вновь стала советоваться, куда еще можно обратиться с жалобой на начальницу и не помогу ли я составить письмо от их имени, а они бы все подписались.

СИНИЙ ДЫМ КИТАЯ

Смотрел передачу об отверженных, о касте неприкасаемых, об их несчастьях. Вспомнил к тому же, как работал в издательстве и пришло письмо от прокаженного из лепрозория. На письме был отпечаток штампа «Продезинфицировано». От конверта отдергивали руку. А это был обыкновенный отзыв читателя на прочитанную книгу.

А еще вспомнил, как и сам был отверженным. Это когда я был

заразным, болел страшной болезнью, гулявшей после войны по нищете и бедности — стригущим лишаем.

У братьев моих и сестер прекрасные, еще не седые волосы, а у меня и седые, и совсем редкие. Это не только от каких-то переживаний, но именно от этой болезни. Как она меня зацепила, не знаю. Хорошо, что быстро хватились и заперли меня от здоровых в заразный барак. Но там болезни не вылечили, хотя долго чем-то мазали. Велели везти в областной город, иначе грозили, что я вовсе останусь без волос. Завязали голову, нахлобучили буденовский шлем, которым я очень гордился, не велели его снимать даже на ночь и отправили.

Повез меня отец. Ехали двое суток, с пересадками. В Кирове меня сразу отняли у отца, и потом я его не видел до выписки. Лежал я в большой, человек на двадцать палате, ходил с замотанной головой. Первые дни меня водили на облучение. Клади в отдельной комнате на стол, обкладывали голову свинцовыми пластинами и уходили за стекло. Включали ток. Не велели шевелиться. Потом стали процедуры побольнее. Два раза в день медсестры вели меня в служебную комнату, разматывали голову, клали ее к себе на застеленные клеенкой колени, не велели вздрагивать и пинцетом выдергивали каждый отдельный волосок с корнем. Так полагалось — вырвать все волосы, которые не выпали сами от облучения. Дергали, пока не уставали или пока не надо было куда-то идти. Тогда мазали голову йодом, завязывали и отпускали.

В палате я привязался к раненому моряку. Он с войны болел гангреной, он потом при мне умер. У него были отняты ноги, и их все выше и выше отнимали. А гангрена опять ползла. Моряк сидел в койке и учил меня морской азбуке. Я потом долгое время гордился перед друзьями, что знаю многие морские сигналы, знаю отмашку флажками. «В кильватерную колонну», «Ко мне», «Прекратить стрельбу». Еще моряк пел песню: «Любимый город в синей дымке тает, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...» Я слушал и почему-то понимал так: «Любимый город, синий дым Китая...»

Когда меня выписали, я был совершенно лысый, с коричневой, сожженной йодом, чешущейся и шелушащейся кожей головы. Буденовку мою сожгли, за что отцу велели расписаться. А остальную одежду с подпалинами дезинфекции выдали. Я переоделся и, два месяца не видев улицы, вышел на крыльцо. Уже была весна. По мокрому снегу ходили грачи. И тогда, и теперь я думаю, что именно в такое время писалась картина Саврасова «Грачи прилетели», в ней такое же состояние печали и выздоровления. С собой отец принес батон городского хлеба, который я сразу съел. Медсестра завязала меня своим платком. Как девчонку. Я шел, от стыда не поднимая глаз. Но с непокрытой головой было бы еще страшнее.

Мы пришли на квартиру, где ночевал отец, но ночевать со мной его не пустили, боялись, что я заражу их детей. Отец упросил, он при мне

просил, чтоб мне разрешили посидеть в коридоре, пока он ездит на вокзал за билетом. Этот дом сохранился, он на улице Энгельса, на задах дома Циолковского. Сидел я тихо и неподвижно. Потихоньку сквозь повязку нажимал рукой на те места, которые зудели. Смеркалось. Отца все не было. В комнатах зажгли свет, и коридор освещался, когда двери комнат открывались. Забыл сказать, что в больнице мне выжигали бородавки, выжигали соляной кислотой. Сначала болело, потом прошло, но чесалось, я скреб ногу, залезая рукой в валенок. И это заметила женщина, ходящая на кухню и обратно.

— Ты чего?

— Чешется, — прошептал я.

— Иди на улицу!

А я вышел даже с радостью, так как до этого боялся, что нельзя. Вслед я слышал, что она запрещает своим детям подходить ко мне, и они смотрели издали.

Совсем к вечеру вернулся отец, снова принес хлеба. Я хотел пить, сказал ему. Он принес попить в какой-то черепашке, которую выбросил, когда я попил. Я понял, что нас ночевать не оставили, и даже был рад, потому что стеснялся городских ребят. На вокзале отец нашел у стены место, сел на дощатый чемодан, а мою голову положил себе на колени, и я крепко уснул.

Утром мы выехали.

НОЖИЧЕК

Раз в жизни я видел, как плачет старший брат, а это для меня, маленького мальчика, было страшно и забываемо.

Пятьдесят второй год был настолько дождлив, что все вымокло. На полях жили утки, а приречные луга так и остались заливными. Чтобы спастись от бескормицы, косили в дальнем лесу на полянах. И мы ходили. В дождь коси, в ведро гребь, говорит пословица. В то лето она была выполнена наполовину — дождь лил дни и ночи.

И вот, когда уже не чаяли спасения, дождь перестал, и брата, а с ним меня послали посмотреть, что случилось за это время со скошенной травой.

Мы пошли, это километров восемь, шли весело, брат обещал мне, когда придем в лес, дать на время перочинный ножик, он его сам заработал, двухлезвийный. Такой длинненький, гладенький. На щечках рисунки зверьков.

По пути был ручей, который мы никогда за препятствие не считали, а из-за дождей он разлился до того, что мы еле нашли узкое место, которое с разбегу перепрыгнули.

В лесу зеленая дорога лежала в воде, мы разулись и пошлепали босиком. Ботинки не потащили с собой, подцепили на заметное дерево.

Освободив руки, я попросил ножичек. Брат хватился — нет ножичка. Всего себя обыскал — нет. Мы хотели сразу идти обратно, но скрепились, заметили место и дошли до покоса.

Там было невеселое зрелище — все поляны были налиты водой, скошенная трава которая сгнила, которая проросла, но помню, что это не сильно нас расстроило, мы все думали о ножике. Пошли обратно, и от того места, где хватились, стали внимательно смотреть на дорогу. Вода на дороге была прозрачной, отстоялась, и мы б, конечно, заметили блестящий предмет. Но не было его. Мы прозевали даже обувь, за которой потом вернулись и снова вглядывались в свои, теперь уже двойные следы.

Вышли из леса, и тут я со страхом увидел, что брат беззвучно плачет. Он шел впереди, я боялся на него смотреть.

Последняя надежда была на ручей, на то место, где мы перепрыгивали ручей. Да, именно там мы и нашли ножичек. Но уже ничего не вырезали им, шли быстро и молча. Дома рассказали о том, что сено пропало.

Вспомнил я эту историю, когда мне подарили перочинный нож с пятнадцатью приспособлениями. Вернуть бы детство, вот бы нам с братом радость.

АГРЕГАТ

Шли с другом под мелким, занудным дождем. И не то чтобы мокрая, но вся какая-то волглая, тяжелая одежда стала на нас. Мечтали обсушиться, но где? Брошенно, пусто было в округе. Забытые дороги вели в пустые деревни. Хотели забраться в старый дом, истопить в нем печь, но шарахнулись от встревоженной нами змеи.

Друг шел и в который раз бормотал стихи: «Как будто бомбой ахнула нейтронной — дома стоят, но нет живых людей...»

И вдруг увидели дым над домом в следующей, тоже безлюдной деревне. Обрадовались, пошли на него. Дом открыт, в доме тепло, топится печь, но никого. Вышли на крыльцо и услышали с огорода какие-то странные крики. Туда. Там около бани старуха крутила колесо, вроде того, каким достают воду из колодца. От колеса внутрь бани уходила ременная передача, а именно в бане кто-то кричал.

Подошли, поздоровались. Старуха перестала крутить колесо.

— Как бы вот нам обсушиться да к автобусу потом выйти.

— Сейчас старика допарю, — ответила она и вновь стала крутить колесо. Еще не понимая, мы стали ей помогать.

— Эй, — закричали изнутри, — полегче!

— Выходи давай, — закричала старуха, тормозя, — гости!

А нам она объяснила, что это колесо изобрел ее старик. То есть не изобрел, а приспособил.

— У меня голова жару не терпит, а уж он-то париться больно любитель, а живем одни, вот и придумал. Я с воли верчу, а он там подставляется.

— Но как?

— Зайдите.

В предбаннике одевался красный, распаренный, бодрый старик. Поздоровались, спросили, можно ли посмотреть изобретение.

— А чего смотреть, раздевайтесь да испытайте в действии, пару много, я покручу.

Внутри мы увидели другое колесо с четырьмя длинными вениками. Ох и настигал же нас старик.

МАРИНА-МАРИН

Из головы не идет история, которую слышал от мамы. А ей в ее детстве рассказывал странник, человек, шедший через их деревню в лавру, но в какую, Киево-Печерскую или Троицкую, она не знала. Да это и вовсе не важно для данной истории.

— Началось с того, что мы этому страннику стали давать еды, но он не брал. Достал из котомочки кусок хлеба и размочил в воде. Мы были дети, чего взять, и смеялись над ним. И он засмеялся. А чему, мы не знали, и давая еще сильнее над ним хохотать. Бабушка на нас заругалась и спросила его, где ему стелить, вечер был. Но он сказал, что ляжет на сеновале, пробудет до утра, а утром, чтоб не будить никого, уйдет. Потом он нас подозвал и говорит: хотите, сказку расскажу. А слушать-то мы были великие охотники, много ли нам доставалось. Сели.

«Проходил я кладбище,— он сказал,— и указали мне могилу монашки. Была она от людей проклята, а от бога прощена. А все про нее открылось только после ее смерти. Была она из достаточной семьи. Одна дочь. И только бы быть девицей, мать умерла. Схоронили. Отец сильно тосковал и надумал уходить в монастырь. А дочери сказал: ты девушка взрослая, видная, на тебя уже заглядываются, выбери себе хорошего человека по сердцу и выходи замуж. А она вдруг ему и говорит: «Я пойду с тобой». А женского монастыря близко не было, да она и не хотела в женский, отца любила. И так просила, что он отступился. Переодел ее в юношу, привел в монастырь, внес вклад и попросился, чтоб его приняли с сыном. Его, он старый был, приняли сразу, а сына не берут — зачем губить молодость, пусть, говорят, идет в мир и живет, как все. Монашество — дело тяжелое. Но она вымолила, и ее приняли, только послушание сделали очень тяжелое — чистить выгребные ямы. Сказалась она, была она Мариной, что ее зовут Марин. И несла послушание с радостью. Была хорошо грамотна,

изучила службы, читала часы. Настоятель этого монастыря М^арина очень полюбил. Отец недолго прожил, схоронили.

Время прошло, настоятель говорит: я тебя повезу на экзамен в лавру, и там проверят твои знания и дадут тебе приход. Будешь священником. Но она отказалась и просилась в монахи навсегда. И ее постригли на Михайлов день с именем Михаила. И уже готовился этот монах к безмолвию, как вышла беда.

В этом монастыре было свое хозяйство — посадки, огород, и монахи там работали. Верст за десять. И иногда там ночевали на постоялом дворе, чтоб далеко не ходить. А Михаила настоятель, видимо, берег для служб. Но другие стали роптать, мол, они работают, а он нет. И Михаил сам попросился пойти работать. Но они были люди привычные, сделали свой урок и ушли, а Михаил (Марина то есть) не успел и сам решил остаться, чтоб потом доделать. И именно в этом дворе ночевал.

А у хозяина двора была на выданье дочь. И именно в этот день шел мимо солдат, припозднился и попросился ночевать. Эта дочь ему приглянулась, и он ее склонил к греху, а потом пригрозил, что убьет, если на него скажет, а если что случится, то пусть укажет на монаха.

И вот случилось. Дочь забеременела, стало заметно. Отец чуть не убил. Она сказала, что над ней насильничал монах. Вскоре родила. Отец взял ее ребенка (родился мальчик) и принес в монастырь. Там пришел к настоятелю и положил у ног и указал на Михаила. Настоятель разгневался и тут же велел Михаилу взять ребенка и уходить из монастыря. Монах ничего не сказал, поклонился, ребенка с пола подобрал и ушел. А куда пойдет?

Так он и жил около ворот три года и с ребенком водился. И до того его было жаль, что сами монахи ходили на поклон к настоятелю и просили, чтоб простил. Но тот не прощал.

А тот солдат вернулся и стал просить, чтоб дочь хозяина вышла за него. Та, конечно, с радостью. Пошли за сыном. Но монах ребенка не отдает, и тот сам от него не идет, привык. Тогда солдат велел жене броситься настоятелю в ноги и рассказать, что монаха тут никакой вины нет. Что ребенок от солдата. Настоятель наложил ей наказание за клевету, а монаха простил. Так и отобрали ребенка. Ребенок подрос и прибежал с ним повидаться.

Солдат плохо относился к жене, бил ее да и с тестем мира не находил. Двор к рукам прибрал, тестя схоронил, жену с ребенком выгнал. А эта жена и сама ходила в монастырь и все старалась увидеть монаха, до того он ей нравился. Старалась перехватить и уговаривала уйти из монастыря, мол, ребенок тебя считает за отца. Монах не соглашался, тогда она говорила: мол, давай, бог за любовь простит, давай так будем тайно видаться. Но монах и на это не согласился. И она тогда что сделала — она опять пошла к настоятелю,

опять в ноги кинулась и опять сказала, что ребенок от монаха, что обещал ей большие деньги, если она уговорит солдата взять грех на себя. И — до того была ослеплена — целовала на этом крест.

Монаха позвали, спрашивают. А он, по своему званию, клясться не может и говорит: на все ваша воля. И опять его выгнали, и опять он остался как бы со своим сыном. И в люди он его вывел, и выучил, а сам (сама), легкая ли жизнь, заболел и умер.

Монахи просили настоятеля схоронить его в монастыре. Но он велел нести на мирское кладбище. И вот — когда стали обмывать, глядят: совсем все тело иссохшее, женское. Тогда-то все и открылось. Сам настоятель отпевал. А когда гроб в могилу опускали, ударила гроза. И молния попала в постоянный двор и его расшибла».

Вот такая история. Где и когда это было, было ли, ни я, ни мама не знаем. Еще она добавляла, что утром они, ребята, побежали к страннику, но его уже не было. Только лежали в чистой тряпице пряники и сахар, подарок.

— Значит, была же у него еда. И по тем временам непростая, а вот он не съел, ребятам отдал, — говорила мама.

А я все думал над тем временем, когда эта Марина-Марин осталась одна, у ворот монастыря с крохотным ребенком. Как и чем его кормила, как согревала своим теплом... Нет, видимо, рано еще мне, не поднялся я до понимания таких историй. Так что вся моя роль тут в передаче услышанного. Как говорил Рерих, что он услышал от деда, то и передачу внуку и велел тому передать в свою очередь... Так и будем передавать, пока что-нибудь поймем.

«СОКОЛ»

Потерял ручку — велика ли потеря по нынешним временам, да и цена рублевая, а жалко, привязалась. Вечная ей память, пишу новой, еще холодной в руке, обтекаемой как щуренок, ручкой типа «дипломат».

Так и бывает — к чему привыкнешь, то и жалко, вот уж воистину — у потерянного кинжала всегда золотая ручка. Или: не радуйся — нашел, не тужи — потерял. А мама всегда советовала думать так при потерях, что, значит, от чего-то откупился, что мог потерять большее. Сразу вспоминается у Твардовского: «Потерял боец кисет, заискался, нет и нет...» Или трагическая потеря Тарасом Бульбой трубки: «Стой, выпала люлька, не хочу, чтоб досталась чертовым ляхам»...

Думая о вещах, окружающих меня, я легко представляю потерю многих из них. Вспоминая опыт жизни в этой части, в частности нашествия вещей на человека в наше время, я вспоминаю Аннушку,

веселую, ясную лицом старушку нищенку. Она всегда приговаривала так: «Мне если какая вещь на дню три раза не понадобится, то я ее и выкину». И вся поклажа ее была — холщовый мешочек, в котором был хлеб, луковица, смена белья, кружка и ложка.

Я поднял глаза и посмотрел на вещи вокруг. Да, много их. А вот некоторые было бы жаль. Жаль было бы вот этот приемничек «Сокол». Сколько ему лет, не знаю, но много. Много радости принес он. Особенно когда я жил один, где-нибудь в деревенском доме. Бедный «Сокол» прошел такие испытания, что вряд ли бы вынесла какая другая техника. К чужой дворняжке так не относятся, как я к нему относился — забывал одного в доме, и он зимовал в морозе и сырости, лежал, бывало, под дождем, батарейки из него я не доставал, а выдирал из паутины и ржавчины, впихивал другие, любые. Если не влезали в гнездо, приматывал сбоку, и «Сокол» работал. Зимой, растапливая печь, доставал его из-под перемерзшей подушки и включал. И он работал. Первое время, пока не отогревалось в нем сердчишко, работал плохо, особенно простуженно хрипели певички, потом налаживался. Сколько опер, арий, романсов, песен подарил он мне. Работал безотказно, качаясь на трех могучих волнах Всесоюзного радио. Снисходя иногда к эстрадным программам, он не унижался до спортивных передач.

Но однажды с ним был случай, осенью 76-го. Я жил в дачном домике у знакомых в Подмоскowie и ходил в лес. Брал и «Сокол» с собой. Ставил на пенек, сам садился на другой и чего-нибудь вырезал, а приемник выключал или включал в зависимости от качества передач. Уже начинало смеркаться. И вдруг приемник громко, на весь лес произнес: «Говорит Пекин, говорит Пекин!» И после этого было передано сообщение о смерти Мао Цзэдуна. Каково? Видимо, китайская радиостанция по случаю смерти вождя употребила для передачи сверхмощную энергию.

Больше таких штук мой «Сокол» не выкидывал.

Дождь идет за окном. На плите чайник шумит. По приемничку передают музыку.

А на могилу Аннушки до сих пор ходят старушки.

БОЧКА

Вспоминаю и жалею дубовую бочку. Она могла бы еще служить и служить, но стали жить лучше, и бочка стала не нужна. А тогда, когда она появилась, мы въехали не только в кооператив, но и в долги. Жили бедно. Готовясь к зиме, решили насолить капусты, а хранить на балконе. Нам помогли купить (и очень недорого) бочку для засолки. Большую. И десять лет подряд мы насаливали по целой бочке капусты.

Ежегодно осенью были хорошие дни засолки. Накануне мы с женой заготавливали кочаны, мыли и терли морковь, доставали перец-горошек, крупную серую соль. Приходила теща. Дети помогали. К вечеру бочка была полной, а уже под утро начинала довольно урчать и выделять сок. Сок мы счерпывали, а потом, когда капуста учреждалась, лили обратно. Капусту протыкали специальной ореховой палочкой. Через три-четыре дня бочка переставала ворчать, ее тащили на балкон. Там укрывали стегаными чехлами, сшитыми бабушкой жены Надеждой Карповной, мир ее праху, закрывали крышкой, пригнетали специальным большим камнем. И капуста прекрасно сохранялась. Зимой это было первое кушанье. Очень ее нам хвалили. В первые годы капуста кончалась к женскому дню, потом дно заскребали позднее, в апреле. Стали охотно дарить капусту родным и близким. Потом как-то капуста дожила до первой зелени, до тепла, и хотя сохранилась, но перестала хрустеть. Потом, на следующий год, остатки ее закисли.

Лето бочка переживала с трудом, рассыхалась, обручи ржавели, дно трескалось. Но молодец она была! Осенью за неделю до засолки притащишь ее в ванную, чуть ли не по частям, подколотишь обручи и ставишь размокать. А щели меж клепками — по пальцу, и кажется, никогда не восстановится бочка. Нет, проходили сутки, бочка крепла, оживала. Ее ошпаривали кипятком, мыли с содой, сушили, потом клали мяту или эвкалиптовых листьев и снова заливали кипятком. Плотно закрывали. Потом запах дубовых красных плашек и свежести долго стоял в доме.

Последние два года капуста и вовсе почти пропала, и не от плохого засола, засол у нас был исключительный, но не елась она как-то, дарить стало некому, питание вроде улучшилось, на рынке стали бывать...

Следующей осенью и вовсе не засолили. Оправдали себя тем, что кто-то болел, а кто-то был в командировке. Потом не засолили сознательно, кому ее есть, наелись. Все равно пропадало. Да и решили, что бочка пропала. У нее и клепки рассыпались. Но я подумал, вдруг оживет. Собрал бочку, подколол обручи, поставил под воду. Трое суток оживала бочка, и ожила. Мы спрашивали знакомых, нужна, может, кому. Ведь дубовая, еще сто лет прослужит.

Бочка ждала нового хозяина на балконе. Осень была теплая, бочка вновь разошлась. Чего она стоит, только место занимает, решили мы, и я вынес бочку на улицу. Поставил ее, но не к мусорным бакам, а отдельно, показывая тем самым, что бочка вынесена не на выброс, что еще хорошая. Из окна потом видел, что к бочке подходили, смотрели, но почему-то не брали. Потом бочку разбили мальчишки, сделав из нее ограду для крепости. Так и окончила жизнь наша кормилица.

На балконе стало пусто и печально.

ЖЕРЕБЬЕВКА

Как ни велик, как ни длинен девятиэтажный дом, а двор один, и за шестнадцать лет в нем появилось много знакомых. Друг про друга мы ничего не знаем, здороваешься и идешь в дом или из дома, но с двумя жильцами, супружеской парой, я не здороваюсь все эти шестнадцать лет. Не из-за себя, из-за них. Я-то помню выражение, что умный здоровается первым, а умным быть хочется, и, заведя кого-то из них, я готовлюсь к приветливому: «Добрый день, вечер, утро», — но они отворачиваются. Это все оттого, что я кое-что о них знаю.

Когда наш кооператив с колхозным названием «Рассвет» был сдан строителями, но распределение квартир почему-то оттягивалось, дом приходилось охранять по очереди членам-пайщикам. Это было необходимо, ибо дом высился среди остатков прежней подмосковной деревни, вошедшей в черту Москвы, и напоследок в этих остатках шло надравное веселье. Пустые дома горели. На некоторых были надписи «Отдается даром», даже на пятистенных на некоторых было написано: «Не бейте стекол, здесь еще живут». Потом, когда мы вселились, еще года четыре дома ломали, жгли, горели голубятни, и голуби, привыкшие к месту, летали над пожарами и дичали.

В ночь перед жеребьевкой — распределением квартир — дежурить вышло мне. Я с огромной радостью получил тяжелую связку ключей от подъездов, по-хозяйски прошел их все, примеряясь к любому из них, глядя снизу вверх на слепые окна, мечтая, что вот-вот какие-то засветятся для меня и семьи и потом те окна будут светить мне, где бы я ни был. Обошел дом по периметру и сел в крайнем подъезде читать взятую с собой на дежурство, не помню какую, но толстую книгу. От нервного возбуждения читал ее с огромной скоростью. Дочитал к ночи и вышел обойти пост. На третьем этаже среднего подъезда горел свет. Что такое? Подъезд был открыт. Быстро поднялся по заляпанным штукатуркой лестницам. Двери в квартире были нараспашку, из квартиры несло резким запахом краски. В квартире шел аврал — переклеивали обои, белили шипящим пульверизатором потолок, красили косяки и оконные переплеты. «Хозяйка, к тебе», — закричала одна работница. Изнутри выскочила женщина, именно эта, с которой мы шестнадцать лет не здороваемся, и накинулась на меня: «Кто вам позволил?» «Я дежурный», — представился я. Она сбавила тон: «Разве вам не сказали?» «Что?» «Ну что... что средний подъезд не надо охранять». «Нет». «Значит, забыли. Ну и председателю у нас!»

То есть еще до жеребьевки эта женщина знала, что будет жить именно в этой квартире и по договоренности оклеивала квартиру по своему вкусу. Вот какие дела. Мне-то было плевать, я готов был жить хоть на последнем этаже, лишь бы скорей, но стало мне вдруг про-

тивно. Отделил я от связки ключ от этого подъезда, отдал ей, сказав: «Думаю, к утру вы все квартиры перекрасите», — и ушел.

А ведь могло бы быть, что по жребию бы выпало жить с нею на одной площадке. И бегали бы в эту квартиру за солью и спичками. У таких всегда все в запасе. Нет, не выпал такой жребий. Его тянула крохотная дочурка наша. Seriously тянула, а мы, затаив дыхание, смотрели на ее ручонку. Вышел и другой подъезд, дальний, и этаж другой, гораздо более высокий. И стали мы жить, поначалу часто выходили на балкон, а ночами видели на стенах комнаты отблески очередного пожара. Не выли сирены, никто не бежал тушить, ко всему можно привыкнуть.

А эта женщина родила дочь, с которой мы здороваемся, но только одну дочь. А собак они издержали уже нескольких и несколько машин сменяли. И ремонт, конечно, уж не один делали.

А вот не здороваемся. Чудно.

ВОСЬМОЙ ИСТОЧНИК

Санаторий, теперь называемый курортом, Нижнее Ивкино в Кировской области знаменит своими подземными источниками целебной воды. Источников семь. Летом здесьлюдно, трудно достать путевку, зимой народу поменьше, но и автобусов выделяется поменьше, на них всегда очередь.

У автостанции, ожидая автобуса, сбилась в кучу толпа пассажиров. Автобус из-за гололедицы опаздывает. Местные мужики зашли от ветра за стену, курят, говорят о курортниках.

— Приедут на три недели и какую-то любовь еще найдут. Одна с Кирова обещала на выходные поехать, а не поехала. Муж с сыном думали, что, может, случилось, сели на свою машину и приехали. И удостоверились. И накрыли. Жену-то он сразу увез, а с которым была — неделю в столовую не ходил. Сын с ними не поехал, вышел у автостанции.

— Летом тут треск стоит, — развивает тему собеседник, — берешь с парнями бутылку, идешь по берегу и сесть выпить негде.

— Да-а, а вернется к мужу, как яйцо облупленное — чистенькая, — смеется первый, постарше, в ватной телогрейке. — А в этот источник красоты так рады чуть не голыми залезть. И такая ли, смотришь, Дездемона, в зоопарке бы посадить детей пугать, а туда же.

Один из источников в самом деле считается источником красоты. Кто и когда его так назвал, не знают, но верят. Мужчины в шутку, а женщины всерьез.

— А ты-то залезал? — спрашивает второй, помоложе. Он в кожаной старой куртке. — Или ты только в восьмой ходишь?

— А как же, — довольно смеется собеседник. — Табак да баня,

кабак да баба. Я в этих источниках не купывался, воды разу не пивал, и никакой лихорад не прицепился...

Восьмым источником в Нижнем Ивкине называют винный магазин. Именно к нему стекаются и припадают многие мужики.

Подходит автобус. Начинается посадка, крайне спонтанная.

— Мужчины! Совсем на голову женщинам сели!

— Сядешь вам!

— Да какие ж вы больные, так напираете. Больные должны в койках лежать.

— Нам лежать врачи не велят.

Входят все. Знакомые мои остаются без места, но старшего посадили третьим на сиденье. Потом он еще берет на руки девочку.

— Как зовут?

— Наташа.

Севшие без билетов начинают платить.

— Собирай грудой, чтоб враз передать.

Автобус трогается. Провожающие стучат с улицы по стеклам и машут.

— А папу-то как зовут? — спрашивает мужик.

— Папа.

— Значит, Наталья Паповна. Правильно, на отца похожая. Не убежит, не смотри, что в серой шубе. — Это он сказал про стоящего рядом отца девочки, а продолжая разговор с парнем, спросил:

— Работаешь на восьмитоннике?

— Да, на «КамАЗе».

— И как он?

— Руль тугой, и колеса ни за что не цепляются. Сиденье, правда, удобное, об этом подумали.

— За пережог вычитают?

— Ну.

— А на экономию прибавляют?

— Ну. На асфальте на нем выгодно, а чуть в сторону — и прогоришь. Ты-то отбюллетенил?

— А ты слышал?

— Да немного.

— За спички попало. Трое подошли. «Дай закурить». Дал «Беломору». «Дай спичку». А у меня до этого Вовка прикуривал и спички, ну сам знаешь как в карман себе положил. «Нету спичек». И только и помню, как это сказал, а уж очнулся — гляжу: белые халаты, и милиционер на стуле сидит. Железом по виску вдарили. Врачиха шнурует, говорит: «Били, чтоб убить». Зашнуровала, говорит: «Надо лежать». А милиционер: «Как ему будут платить, если не найдешь? Оформят как прогул, да еще могут по статье. Ты на ногах можешь держаться?» Повезли по всем вытрезвителям. Там кто к койке привязан, кто сам спит. Не обнаружили. В отделении показали

пачку фотографий. Тоже нет. А из-под повязки потекло. Опять в больницу. Врачи говорят: «Я предупреждала, теперь еще больше лежать». Так месяц и валялся. А на работе оформили как отпуск за свой счет. Вроде нормально выздоровел, а только головой чуть тряхну — по глазам плывет.

— Помехи, как в телевизоре? — спрашивает парень.

— Ну, да! — вспоминает весело мужик. — Я тут после бани да в восьмой источник. Постоял, а как дома гляжу — два телевизора. Что такое? Сейчас не помню, интересное кино показывали. А смотреть трудно. Прикрыл один глаз — нормально, один телевизор. Так и смотрел, глаз ладошкой держу. А рука-то устала, глаз завязал плотенцем. Так и смотрел. Жена издевалась.

— Как морской пират, — смеется и парень.

— Ну. Потом уснул, сплю, слышу — гимн. Вскочил без ума, думаю, чего это я будильника не слышал, побежал на работу. Темно. Мастер сидит в конторке. «Извини, Михалыч, молодой, исправлюсь». Он вытаращился: «Ты чего это?» «Да вот, до гимна встаю, а тут будильника не слышал, по гимну встал». Он хохотать: «Дак пели после гимна песни или нет? Это ведь ночной гимн был, а не утренний».

Девочка Наташа уснула у мужчин на коленях. Он замолчал и устроил ее поудобнее.

РОЗЫГРЫШ

Веселый человек Алик Мысовский (это реальный человек, и я честно его предупреждал, что рассказ его о розыгрыше запишу, на что он с радостью согласился, он даже гордится, что так ловко разыграл свое геологоуправление, он геолог). Этот веселый человек посмотрелся фильмов про Штирлица, начитался братьев Вайнеров и Ю. Семенова, всяких детективов. Ему очень понравилось, как Штирлиц менял голос, закрывая трубку носовым платком. Алик попробовал так же, позвонил жене. Она его сразу узнала: «У тебя что, насморк?» Тогда он стал пробовать другие способы. Зажимал нос и говорил слегка заикаясь, прикрывал трубку скомканной бумагой и наконец добился, даже жена перестала его узнавать и отвечала: «Нет, такой-то здесь не живет, вы не туда попали».

И он осуществил свой розыгрыш. Позвонил в свою рабочую комнату, своему начальнику: «Такой-то?» «Да». Алик представился начальником штаба гражданской обороны и спросил, давно ли проверяли наличие и состояние противогазов.

— Честно говоря, давно, — признал начальник.

— Что ж вы так? Ведь с огнем шутите. Или газет не читаете?

— Виноваты, исправимся.

— Ну вот так, сегодня раздайте противогазы, по списочному составу проверьте обеспечение, а завтра к десяти быть всем готовыми и с противогазами, возможно, будет марш-бросок. Исполняйте.

Когда Алик вернулся на работу, на его столе лежал противогаз. До конца дня сотрудники суетились, занимались примеркой и подгонкой противогазов. Одна сотрудница, имеющая маленькую головку, взяла противогаз домой, чтобы его ушить. И была в нем, когда в дверь позвонили. Она думала — муж, и открыла посмеяться. А это пришла ее мать, которой тут же стало плохо.

Наутро на работу не вышла треть сотрудников. Кто взял бюллетень, кто справку, кто еще что-то придумал, чтобы не участвовать в марш-броске.

Вот такая история. А отбоя Алик до сих пор не дал...

ДЫХАНИЕ

Морозный закат. Пошел за деревню, к лесу, от которого шел розовеющий на солнце туман. Но туман оказался вовсе не туманом, это был дым, причем не дым обычного костра, запах чего-то тяжелого слышался издали. Подойдя, я понял, что это — это строители жгли старые покрышки, грелись около них. Гора запасенных покрышек высылась рядом.

Пошел дальше. У леса оглянулся — закат заканчивался, такое было ощущение, что не солнце опускается, а тучи находят на него, затапливают. Вот солнце исчезло, только последний луч вырвался вверх как сигнал из бездны, что именно тут затонул корабль.

И еще долго шагал. Вскоре настоящий туман разом схватил пространство, потом вдруг исчез, снег под ногой стал крепнуть, вскрикивать. Потом туман вновь появился, снег замолчал. И так несколько раз — туман то появлялся, то исчезал, будто кто приближался к земле и сокрушенно вздыхал.

Ночью поднялся ветер, поднял снег. При луне было видно, что нового снега сверху не добавлялось, это прежде упавший все носился и все не мог найти места, где улечься до весны.

СТАРАЯ ДЕВА

В больнице лежала старуха — старая дева. Безответная, услужливая. Санитарки и сестры хвалили ее, а лечащий врач-хирург все донимал вопросами, чего ж она замуж не вышла. И почему не выходит? А то он ей подыщет хорошего жениха. И всегда на обходе

или на осмотре у него были только такие шутки — о замужестве старухи.

Она все отталчивалась или умоляюще улыбалась, а однажды не выдержала:

— Чего зря смеяться, какое там мне замуж! Мне теперь только одно замужество — за Ивана Сосновича.

ПРИВИДЕЛОСЬ

Одна жена выследила мужа и застала с любовницей. Пока она царапала ей лицо, драла волосы, выхлестывала изнутри и с улицы оконные стекла, муж ее убежал домой и лег в постель. Жена вернулась, он ей говорит:

— Ты где это шляешься?

Жена и глаза выворотила. Она ведь и на него хотела с кулаками.

— Где-то ходишь, непонятно. Жена ведь! Я заснул, проснулся, тебя нет и нет.

Так он и не признался. Больше того, ей и самой утром показалось, что все ей приснилось.

ПО ТРЕБОВАНИЮ

Деревня называется Кручина. Раньше здесь останавливался автобус, а теперь деревня чахнет, ссыхается и автобусы летят мимо. Но, конечно, если кто-то стоит на остановке, автобус подбирает. Так и написано на табличке «Кручина». Остановка по требованию». И легко было б шутить, что вот, мол, кручина по требованию, тоска по требованию, печаль по требованию, но в том-то и горе, что «Кручина по требованию», а не просто остановка.

СЛУЧАЙ

По случаю приезда сына отцу было позволено выпить. И на это была выдана соответствующая сумма. Когда сын, то есть я, вернулся домой, отец был в высшей степени трезвости, но в полнейшем расстройстве. Мама же смеялась и утешала его.

— И очень хорошо получилось, — говорила она, — не выпил, зато человек. Еще и в дурачка поиграем.

И в самом деле поиграли. Мама, я заметил, старалась остаться, отец выходил, и это его радовало.

Огорчился отец вот из-за чего — его обманули. Он домовничал с внуком — дожидался двух часов, чтоб пойти в магазин, и дождался. А ключ от квартиры потерял. Как быть? Внука одного не оставишь: мал, может испугаться, и квартиру оставить открытой боязно, тем

более очередь не на час. Нервничая, отец выходил покурить в подъезд, а туда, где-то часов в пять, зашли, покурить тоже, два парня. «Да, может, они и выпить заходили, я не видел. Мне объяснили, что к товарищу приходи, ждут с работы. Разве ж я мог подумать, что врут. Вот ведь, говорю, парни, какое дело, и не на цепи сижу и не убежишь. И поделился. Они говорят: так чего, папаша, поможем твоему горю, давай деньги, нам все равно добавлять, тебе заодно купим. Вот ведь оно как!» — восклицал отец, выгадывая по картам, как бы ему сохранить шестерки на погоны матери.

— И трезвый, и ладно, — говорила мама.

— Мне не это жалко, не деньги, мне честность дорога. Разве ж когда было такое — старика обмануть. Да хоть кого!

Данная история этим не кончилась, она имеет продолжение.

Наутро я пошел по делам раньше нужного, а когда спохватился, от дома родителей был далеко и решил скоротать время в стеклянной забегаловке. Черпаком мне налили стакан кофе, и я уединился с ним. Но ко мне тут же подсел парень. Из того переходного возраста, когда парень еще не омужился, но вот-вот.

— Примешь? — спросил он. Я отказался. — Ну и молодец, и правильно, а мне сегодня надо. — Озираясь, он выпил, молча посидел, прислушался к себе: — Нет, не могу вспомнить! Хоть ты что!

— Что не можешь вспомнить? — невольно спросил я, понимая, что ему хочется поделиться.

— Вчера с Виталькой, с другом, приняли после работы. Сразу неохота расходиться, ты ж тоже понимаешь, охота ли сразу сдаваться, охота ли, чтоб весь вечер шипела. Уж прийти, так сразу упасть, а там зудит не зудит. Холодно, зашли в подъезд. Курим. Там старик изнутри вышел. Думали, погонит, и соврали, мол, товарища ждем. А он говорит: такое, мол, дело — сижу с внуком без ключа, а сын, мол, приехал по делам и дал пятерку и в магазин никак не уйти. Мы и насладились: давай, отец, купим тебе. А мы все равно бы повторили. К этому шло. Я еще до старика говорю Витальке: ну что, по домам, или как? Он говорит: «Конечно, «или как».

Я слушал парня, не признаваясь, что знаю историю с другой стороны. Да, может, это был другой старик.

— И вот мы с Виталькой взяли у него пятерку и пошли. И купили...

— И его порции тоже выпили?

— Как ты догадался? — вскинулся парень. — Да, выпили. Но не сразу же! В очереди измяли, ладно, мы вдвоем, один к кассе, другой к прилавку. Вышли за угол. Глотнули. Ну, пойдем, отнесем старику: ждет. И вот знаешь чего вышло?.. Ведь забыли, где дом. Забыли и все. Кружим, кружим, вроде тут, а не можем найти. Глотнем, опять ищем. А припозднило. Свое все прикончили... Эх! Виталька сказал: давай уж и стариково, видно, не найти. И прямо из горла за углом. Да-а. Выпили, глядим — ведь вот же дом-то, вот же подъезд. Зашли, удостове-

лись — наши окурки. А с чем пойдешь? Пусто. И в карманах пусто. И магазин закрыт. А ведь надо было зайти, как ты думаешь?

— Надо.

— Как не надо, надо. А с чем? — спросил меня парень. — С чем?

— Зашел бы, объяснил.

— С пустыми руками?

— Объяснил бы.

— Это ж не по-людски, — отвечал парень, погружаясь в печальное состояние. — Знаешь, как мне стыдно, — сказал он. — Перед стариком. Я с утра побежал извиняться, тем более у своей вот эту-то выкрал. И пошел извиняться. И опять найти не могу! Ну проклятье!

— Выпьешь и вспомнишь.

— На это и надеюсь. — Парень засмеялся вдруг. — Вспомню, когда все прикончу. Беда!

— Ладно, не мучайся, — посоветовал я, — это отец мой, он мне вчера про вас рассказал, я ему скажу, что встретил тебя, что вы не виноваты. Ну забыли, ну выпили...

— Товарищ! — радостно закричал парень... — Это ведь ты меня от такого греха спас. Скажи — не виноваты! Разве ж можно старика обманывать? Да хоть кого! Вот ведь эта все зараза. Нет, не валю на нее, сам хорош! Помоги, dokonчим! Нет! Отцу отнеси! — Парень отполосовал от свежей газеты ленту и стал изготавливать пробку. — Виталику скажу, мы спасены.

Насили я отказался. Адрес тоже не сказал. Простились.

История и на этом не заканчивается. После обеда я вернулся домой, сидели с отцом обедали. Мама была на работе. Вдруг звонок. Открыли. Незнакомый парень.

— Виталик меня зовут, — представился он.

И рассказал ниже следующее: он тоже чувствовал, подобно другу, головную боль и стоял в магазине за ее исцелением. И Виталик рассказал историю вчерашнего обмана. «Совесть-то мучает, легко ли! И вот — откупная!»

— Ой нет, — сказал, посмотрев отец. — Это ты уже сам. У тебя картечь, а я просил сухонькое.

— Дак я сбегаю, — вызвался парень.

Он получил деньги на сухонькое и убежал.

До сих пор бегаёт.

А ТЫ УЛЫБАЙСЯ!

В воскресенье должен был решаться какой-то очень важный вопрос на собрании нашего жилищного кооператива. Собирали даже подписи, чтоб была явка. А я пойти не смог — не получилось никуда отвести детей, а жена была в командировке.

Пошел с ними гулять. Хоть зима, а таяло, и мы стали лепить снежную бабу, но вышла не баба, а снеговик с бородой, то есть папа. Дети потребовали лепить маму, потом себя, потом пошла родня поотдаленней.

Рядом с нами была проволочная сетчатая загородка для хоккея, но льда в ней не было, и подростки гоняли в футбол. И очень азартно гоняли. Так, что мы постоянно отвлекались от своих скульптур. У подростков была присказка: «А ты улыбайся!» Она прилипла к ним ко всем. Или они ее из какого фильма взяли, или сами придумали. Первый раз она мелькнула, когда одному из подростков попало мокрым мячом по лицу. «Больно же!» — закричал он. «А ты улыбайся!» — ответили ему под дружный хохот. Подросток вспыхнул, но одернулся — игра, на кого же обижаться, но я заметил, что стал играть он злее и затаенней. Подстерегал мяч и ударял, иногда не пасуя своим, а влепывая в соперников.

Игра у них шла жестоко: насмотрелись мальчики телевизор. Когда кого-то сшараживали, прижимали к проволоке, отпихивали, то победно кричали: «Силовой прием!»

Дети мои бросили лепить и смотрели. У ребят появилась новая попутная забава — бросаться снежками. Причем не сразу стали целить друг в друга, вначале целили по мячу, потом по ноге в момент удара, а вскоре пошла, как они закричали, «силовая борьба по всему полю». Они, мне казалось, дрались — настолько грубы и свирепы были столкновения, удары, снежки кидались со всей силы в любое место тела. Больше того — подростки радовались, когда видели, что сопернику попало, и больно попало. «А ты улыбайся!» — кричали ему. И тот улыбался и отвечал тем же. Это была не драка, ведь она прикрывалась игрой, спортивными терминами, счетом. Но что это было?

Тут с собрания жилищного кооператива потянулся народ. Подростков повели обедать родители. Председатель ЖСК остановился и пожурил меня за отсутствие на собрании.

— Нельзя стоять в стороне. Обсуждали вопрос о подростках. Понимаете, ведь столько случаев подростковой жестокости. Надо отвлекать, надо развивать спорт. Мы решили сделать еще одно хоккейное поле.

«А ты улыбайся!» — вдруг услышал я крик своих детей. Они расстреливали снежками вылепленных из снега и папу, и маму, и себя, и всю родню.

БАНЯ ГОРИТ...

У нас в селе был случай, когда в бане мылись девушки и баня загорелась. Загорелась с предбанника. Девушки хватились, когда им уже закричали. Через предбанник выйти и думать было нечего, он весь

пылал, одежда девушек сгорела. Мужики высадили окошко, разворотили жердью два венца, чтоб можно было выскочить.

Но девушки кричали, что ни за что не выйдут, чтоб им принесли одежду. А уже так стало припекать, что даже смельчаки отскочили. И вначале вроде сбежавшимся было потешно, а тут затревожились. Стояла зима, был безветренный лунный вечер, и пламя не относило на другие постройки.

Пока бегали за одеждой, девушек так прижгло, что они выскочили, их укрыли шубами, и они босиком, под общий хохот убежали. Но выскочили-то две, а мылись-то они втроем.

«Сгорит, а не выйдет», — успели они крикнуть про подругу.

Тогда один парень схватил одежду и кинулся к развороченной, пылающей стене. Кинул одежду в проем, сам упал на чернеющий, тающий снег, и было видно, как задымились его шапка и воротник на пальто.

Наконец из проема вылезла одетая девушка. Даже платок был на ней завязан. Она упала парню на руки и потеряла сознание. Он отбежал с нею метров на десять и сам упал. Тут уже их оттащили. В это время просела крыша, огонь и искры взвились...

Помню, об этом случае долго говорили в селе. Кто осуждал девушку: ведь могла и сама сгореть, и парнем рисковала. Подумаешь, голая, никто ж одетым не моется. Но многие, особенно женщины, девушку одобряли, говоря, что и они тоже лучше б сгорели, но не выскочили без ничего.

Какая дальше была судьба у этой девушки и парня, я не знаю. Ах, как бы хорошо, если б они поженились, жили бы согласно, было бы у них много детей, а теперь уже и внуков.

Давайте думать, что так оно и есть.

ЛЕВЫЙ ЖЕНИХ

В Мурманске никто не удивляется, если две девушки, говоря друг с дружкой о женихах, спрашивают:

— Он у тебя какой: левый, правый?

Под этим вопросом кроется вот что. Юношей в Мурманске, не причастных к флоту, нет. И они делятся на две группы — те, кто, выйдя на корабле из Кольской губы, поворачивает налево, и те, кто направо. Те, кто налево, идут в заграничье. Это чаще всего торговый флот, «торгаши», а те, кто идет вправо, идут в Арктику, на тяжелую работу. Это трудяги.

Знакомый, избородивший всю Арктику мореман говорил мне, что левых от правых он отличит сразу.

— По какому признаку?

— По разговорам. Кто налево ходит, у нас их «леваками» зовут, выпьют рюмку, и пошло про барахло, да куда выгодней ходить, да какой язык, кроме английского, лучше учить. Ну, может, еще про баб поговорят. А мои трудяги, как выпьют, и все про работу, про работу и про работу. Еще выпьют, и опять про работу. А те все про тряпки. Зато, конечно, женам всего навезут.

Я понимаю, что деление огрубленно, и не хочу обижать торговый флот. Но факт есть факт — работяги Арктики почти никогда не уходят в левые рейсы, не переходят почти в «торгашей». Последних же иногда списывают. Обычно они не идут в Арктику, а находят работу на берегу. Не смогут в Арктике, так говорил мой арктический знакомый. Но списывают их редко, они держатся за место, пьют аккуратно, в разговорах сдержанны.

Есть о чем подумать мурманским девушкам.

РОЗОВЫЙ СВЕТ

Когда едешь летом, то его хорошо видно и рано утром и поздно вечером. Даже ночью, если вызвездило, видна его легкая тень. Вот зимой плохо — и утром и вечером поезд идет в темноте. Хорошо, если луна, но если и нет, я все равно не ложусь, дожидаясь двухсотого километра, и, глядя в темноту, представляю его. А когда возвращаюсь в Москву, то рано утром будто кто будит меня: ни разу я не проспал встречу с ним.

Речь идет о храме Покрова на реке Нерль. Если ехать от Москвы, то он будет по правую руку после Владимира, недалеко от села Боголюбова, на заливных лугах. Деревья на полосе отчуждения сильно выросли и загораживают взгляд, но есть в полосе разрывы, и храм, то исчезая, то показываясь, плывет в окне и виден минуту или полторы.

Этот храм необъясним, как чудо. Столько о нем написано, о его соразмерных пропорциях, удивительных белокаменных таях, полуколоннах, закомарах, вытянутом барабане под вознесенным куполом, но зря стараться объяснить то состояние, которое приходит... то есть то состояние, ну вот как сказать, когда любишь, когда красота спасает, только бы не опоздать к ней. И только вспоминается известное у этого храма. Он построен Андреем Боголюбским в память о сыне, погибшем в походе на камских болгар. Боголюбский — сын Юрия Долгорукого, внук Владимира Мономаха. Но не совсем верно говорить, что такой-то князь или царь построил что-либо. В его время, да. Например, не Иван же Грозный строил собор Василия Блаженного или не Алексей же Михайлович церковь Вознесения в Коломенском; из царей один Петр работал плотником, но это отклонение от нормы — дело монарха вызвать к действию желание прекрасного, а творцы его всегда есть в народе. Но кто они, безвестные строители храма? Тут мы по славян-

скому обычаю смиряемся, что никогда и не узнаем. Но какие они были, говорит тот же храм — сильные и красивые, и чувство прекрасного было у них врожденным.

Как говорят летописи, Боголюбский был «нищелюбив», кормил бедных, часто сам раздавая милостыню, при нем выстроено много церквей, в том числе знаменитые владимирские. Именно при нем Владимир противопоставился Киеву, киевский престол, на который отказался сесть Боголюбский, перестал быть старшим среди русских княжеств. Но и собственным северным князьям, новгородским и суздальским, Боголюбский не угодил. Только когда он привез с юга икону чудотворной богоматери, названную владимирской, тогда началось возвышение Владимира.

Но самого князя икона не спасла, его убили. Убили свои же, напившись перед этим для храбрости и вначале в темноте убив своего. Меч князя заранее был выкраден из-под подушки, ему нечем было защищаться. Князь вырвался, ушел, но вскоре его нашли по следам крови.

Как замечает историк Ключевский, северные летописи славят Боголюбского, южные бранят, обвиняя его в разрознении княжеств. Займи он киевский стол, могло быть иначе, говорят летописи, ведь до второго шествия татар оставались считанные годы. Но теперь что предполагать, как могло быть, раз уже было, а было страшно. Татары сожгли Владимир, Суздаль, Коломну, Серпухов и тогда еще крохотную Москву. Они не разбирались, кто с кем был в ссоре, кто с кем не мог поделить власти, подчиняли всех. Пала Рязань. Дольше всех держался Козельск, названный татарами Злым городом. Малолетний князь Козельска Василий, по преданию, захлебнулся в крови в своем тереме.

Но храм на Нерли гроза миновала. Может, то помогло, что была зима, а храм стоял вдаль от дорог, в снегу, а может быть, просто пожалели его. Хотя вряд ли: татары, пишет Карамзин, оставляли жизнь только рабам и данникам, «опуская меч единственно для отдохновения».

Но вот уцелел храм и стоит девятый век. Если бы волна воинствующего безбожия коснулась и его... нет, лучше не думать об этом. Но, говорят, идея разрушить его была. Даже якобы на купол отпилить с него крест был послан мужик, а внизу стоял и командовал приехавший представитель. За верх креста были захлестнуты вожжи, а за них еще двое, а они были привязаны к хомуту лошади, чтоб за них сдернуть, сволочь крест. Будто бы мужик пилил ножовкой и допилился до середины, и как раз прибежала его мать, с ней жена, стали ему кричать, чтобы слезал, не смел пилить. Мужик выпрямился, кинул ножовку и, чтобы не упасть, поймался за крест. Представитель ударил по лошади, она рванула, крест хрустнул и упал вместе с мужиком. Это

очень высоко, но мужик остался цел, а представитель попал ногой в вожжи, его опрокинуло и ударило затылком о булыжник.

Это рассказ с чужих слов и без уверенности, что история эта относится именно к храму Покрова. Такую же историю я слышал в Великом Устюге, бывшую, как говорили, в Спасо-Гледенском монастыре. Скорее, именно храм Покрова обошло посягательство, не воины же мы Чингисхана, чтоб подымать руку на свою красоту. Но, видно, временами находит затмение, сколько разрушено. Интересно, как кончали жизнь те, кто разрушал, взрывал, загаживал белокаменные творения. А если живы, то что рассказывают? Кому?

Может быть, этого случая с крестом не было ни здесь, ни там, тем более и крест высится на куполе и никому не мешает.

Многим памятникам старины нужна легенда, то есть что-то происшедшее в связи с этим памятником, какая-то тайна. Но храм Покрова притягателен сам по себе. Печально, что он уходит в землю и ушел уже на четыре метра, будто земля старается укрыть в себе такую красоту. Бесчисленно фотографировали, рисовали храм, и вот опять-таки: сколько бывает талантливых рисунков и фотографий какого-либо памятника, так и тянет приехать, увидеть самому, а приедешь и настагает ощущение, что на фотографии он казался заманчивей. Нет, храм Покрова лучше любых своих изображений. То есть его красота невыразима, и ее хватает на всех.

Проезжая мимо храма, я всегда вспоминаю знакомого парня, отличного фотохудожника, который почти месяц жил недалеко от храма, пытался сделать такой снимок, который представился ему в один из приездов.

«Я тогда был без аппарата,— рассказывал он,— вот представь — сидило солнце, вода в озере перед храмом была розовой, и в ней отражался белый храм. А вода зеркально возносила его отражение. То есть мне не объяснить,— виновато говорил он,— было как бы три храма: реальный, его отражение и то, что возносилось, нет, не рассказать. И вот я взял аппарат, оптика новейшая, японская, палатку взял, командировку дали, я попутно снимал Владимир для буклета рекламбуро, и поселился. Живу. Злюсь на туристов, мне надо безлюдье, чтобы непонятно было, когда снято, в какую эпоху, ведь камень, вода, деревья — вне времени. Вставал с рассветом. С другой, рассветной стороны, тоже озерко, зайду оттуда, жду. Но ни разу не было спокойной воды, хоть маленький ветерок, рябь. Один раз уж совсем загнал в фокус, жаба прыгнула, вода исказилась. Но живу, щелкаю. А в закатное время тоже не везло, то люди, то солнце садится в тучи, то ветер, то дождь. Но вот однажды все-таки дождался — ни ветра, ни людей, закат горит, озеро светится, самое то, а садится солнце быстро, этого времени всего пять — семь минут. И что? Кончилась пленка! Аппарат чуть вдребезги не расшиб!».

Все-таки этот парень сделал много хороших снимков. И собранные

вместе, они показывают, правда частями, то, что очаровывает враз: и то, что храм уходит в землю, и то, что возвышается. С годами храм хорошеет, и это тоже загадка; может, наша любовь не дает ему стариться.

Более поздние пословицы о том, что хорошо там, где нас нет, литературные рассказы о поисках синей птицы, о заграничных чудесах света — все это от слепоты. Чудо и красота с давних пор рядом с нами. Злые люди боятся ее и успевают опорочить, а если не удастся, то хотя бы стараются внушить, что где-то есть лучше. Было бы легко отделаться от них фразой, что зря стараются, нет, убивать научились. И воспитывать себе подобных тоже.

Одна радость — поеду завтра на северо-восток России, и после Владимира, в бегущих разрывах полосы отчуждения, выше электропроводов, появится, исчезнет и вновь появится и будет виден полторы-две минуты...

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ?

Подошел до открытия к магазину и застал конец разговора. Худая старуха в сером фланелевом халате говорила похмельным мужикам:

— Серно-огненная кислота польется с неба!

— Ничего, это-то переживем, — отвечал один мужик, — нам лишь бы скорее открыли.

— Ну давай, дальше пугай, — говорил другой, отплевываясь от горечи докуренного вконец окурка и раздумывая снова закуривать. — Чего еще в твоём Завете?

— Кабы в моем, я бы вас пожалела, — отвечала старуха. — А тут никого не пожалеют, останутся жить только одни праведники.

— Так кто ж тогда останется? Этот, что ли? — мужик показал на меня и тут же спросил, войду ли я в их, пока неполный, коллектив.

— И все будут говорить на одном языке, — продолжала старуха.

— На каком?

— Бог знает.

Мужик все-таки надумал закурить. Закурил, подержал на ветерке сразу погасшую спичку и помечтал:

— Уж хоть бы на русском. А то доживем и не поймем, о чем говорят.

ОТЦЫ

Чаще всего все, что я пишу, точнее, записываю, услышано и записано мною в Вятке. На родине обостряется слух. После перерыва в приездах у родных и близких всегда накапливаются новые истории. Часто печальные. В этот раз рассказали о двух отцах.

Один похоронил совсем молодую жену. Зарекся не жениться, а воспитывать сына в одиночку. Водил его в садик, стирать отдавал соседке старухе. За мужчиной ухаживала девушка, приходила в садик поиграть с мальчиком, но он ее дичился. Шоколадки не брал. Мужчина от трудностей стал уже подумывать о женитьбе, тем более, его часто, особенно женщины на работе, уговаривали.

Вот он шел с сыном из садика, а девушка стояла на углу, сторожила. «Вон тетя Лиля нас ждет,— сказал мужчина.— Она хочет тебе мамой стать». А мальчик вырвал руку из руки отца и отпрыгнул и попал под машину. Насмерть.

Мужчина запил. Трезвый стыдился, пьяный шел к той девушке, но она его гнала.

Другой мужчина зимой шел с сыном через очень высокий мост через Вятку. Он нес сына на руках, тот устал. Но и мужчина устал, все руки оттянул. Он остановился отдохнуть, посадил мальчика на скользкие перила, сам, отвернувшись от ветра, закуривал. В это время мальчик сорвался и полетел вниз. Мужчина прыгнул следом. Оба убились.

А если бы иначе, как бы он жил потом?

НА РОДИНЕ

После долгой разлуки с родиной, после тех мест, где ночь наступает мгновенно, а звезды висят низко, где днем все вокруг раскрашено в оранжевые лихорадочные цвета,— после этого, вернувшись на родину, я почти равнодушно поглядел вокруг. Тихая река; камыш; ивы, увешанные спутанными волосами русалок; дуб, поднявший на вилах ветвей стог листвы; черноголовые порывистые стрижи — все это, выполненное зеленым и желтым, оживленное кое-где точками цветов, одушевленное запахом сена, озвученное всплесками рыб и, если прислушаться, шелестом листьев,— все это, как ни обидно, было бледнее южных красот, но это было мое, в этих местах я рос, и привычка зрения к яркости испугала меня.

Но вот уже четвертый день живу в деревне — все в порядке.

Мои кастальские ключи текут из-под сосны.

Зеленое здесь от черного до белого. Овес густо-синий, с желтыми разводами. На нем легко увидеть ветер, вернее, его внезапные повороты. Они обозначаются быстро блеснувшим серебром.

ЭФИРНОЕ ВРЕМЯ

Вчера утром позвонили давнишние знакомые по работе на телевидении и бодро сказали: «Ну что, старикашечка, сегодня Вите годовщина, надо помянуть». «Какому Вите?» «Стыдно, старичок,

Кредичу». «Помянем,— автоматически ответил я,— кого и помянуть, как не Витю Кредича».

Значит, Кредич умер и уже год как умер. Оказывается, мне тогда звонили, искали, но меня не было в Москве.

Умер Кредич. Жалко его по-человечески. И вот сутки жожу и думаю, что он сам ускорил свою смерть. Не в том смысле, что наложил на себя руки, но в том, что он всегда с ней играл, и смерть обратила внимание на эти заигрывания.

Он приехал в Москву в числе большой группы журналистов радио, кино и телевидения из Ташкента после землетрясения. Какое-то время «трясуны», так они себя называли, держались вместе. Потом разные работы, должности, места жительства развели их, разбавили в остальной массе. Также много значил успех и неуспех. Кредич сидел на ста двадцати редакторских рублях, но неудачником его мог считать кто угодно, но не он сам. Он, несомненно, был одарен, кончил сценарный факультет ВГИКа и мог подрабатывать, и неплохо подрабатывать сценариями телепередач. Но был ленив. Сам же заявлял, что безразличен, ерундой не занимается. К ерунде он относил двадцатиминутки, получасовки, сорокапятиминутки, так называли передачи по времени пребывания их в эфире. Я тогда хватался за любые темы, ерунда они были, по мнению Кредича, или не ерунда,— зарабатывал деньги на кооператив. Писал ночами, обычно в ванной, так как и на кухне нашей коммунальной квартиры всегда кто-то жил.

Кредич очень положительно относился к моим сценариям. Он их не читал и передачи по ним не смотрел, он помогал отмечать дни получения гонорара. Делал он это с удовольствием, а я, набираясь от Кредича знаний жизни в сфере культуры, угощал его с удовольствием. При взаимном удовольствии присутствовали обычно еще два-три-четыре человека, и все они меня учили жить как мастера своего подмастерья. Я не возражал, я всю жизнь шел сквозь возгласы: «Мы этого от тебя не ожидали!», так что мне даже и не надо было работать под дурачка, меня дурачком и считали. Но ведь не глупый же человек однажды сказал: «Вы меня только за дурака примите, а уж обмануть вас я сумею».

Гонорар отмечался в течение трех лет нашего знакомства в четырех местах: у телетеатра на Семеновской, где размещалась наша литературно-драматическая редакция телевидения, на Шаболовке, где получали деньги, также на Новокузнецкой, где их тоже получали, и, наконец, в Останкине, когда мы туда переехали из телетеатра. Вначале мы, литдрама, размещались в бараках, оставленных строителями, непрерывно ходили на воскресники и субботники в здание телецентра, выгребали из него грязь, прозвав заодно его исполинский прямоугольник стеклянным зверинцем, потом мы переехали на одиннадцатый этаж, где литдрама размещается и поныне. Ох, уютно вначале было.

«Вернемся к своим баракам», — шутили мы, вспоминая свободное посещение, размещение человек по двадцать, по тридцать в одной комнате. Тут дали каждому стол и стул. Да не какой-нибудь стол — полированный, и стул не так себе — крутящийся. И опять находились остряки и на эти столы и стулья. «Телевидение стало лакированным и вертлявым», — сообщал Кредич. Посещение было объявлено от и до. Но как там было работать, когда курить в комнатах не разрешали — красные фуражки пожарников заглядывали в комнаты чаще комиссий по проверке наличия личного состава. Сидели, травили анекдоты. Кредич первенствовал. «От передачи до камеры один шаг», — говорил он. Рассказывая, по его мнению, пожароопасный анекдот, он громко говорил, обращаясь к вентиляционной решетке: «Для Эдика Гувера». Еще Кредич обожал отвечать на телефонные звонки, когда кто-то не туда попадал. Самыми милосердными были слова: «Таких не держим» или: «У нас вообще телефона нет». Чаще, за это я особенно с ним ругался, были садистские шуточки, вроде: «Он не может подойти, он при смерти». Или: «У вас есть сердечные капли (вариант: «У вас крепкое сердце, нервы, рассудок»)? Прошу, не кладите трубку на рычаги, выпейте кардиомину, можно корвалола, валерьяны, и она — поверьте — пригодится, и вновь возьмите трубку».

— Витя! — возмущенно кричал я.

Но меня, часто иногда даже физически, удерживали сослуживцы, и Витя доколачивал беднягу абонента сообщением, что тот человек не может подойти к телефону (сбила машина, наехал мотоцикл, отравился: «Вы же знаете наши буфеты»). Если дело касалось женщины, сообщал, что уехала замуж в другой город или государство, даже не сопредельное. Такие шуточки были у Кредича. Действовало на него только то, что я, вырываясь, кричал: «Ни капли не получишь!»

Выпив, Кредич мог пустить слезу, мгновенно высыхающую, когда дело касалось продолжения застолья. «Я дважды похоронен, — говорил он. — Ты еще только переживешь, а я уже пережил, когда я стоял над своей могилой». И доставал снимок общей могилы, где угадывалась среди других и его фамилия.

Это было, по его словам, в Молдавии, когда он крохотным мальчонкой помогал воевать с бандеровцами. «Окружили, не сдаются. Мне — связку гранат. Сунул в трубу. Много мяса наработал». В одной из операций Кредич якобы потерял сознание и отлеживался в карстовой пещере, а его заочно похоронили.

Дисциплина в «стеклянном зверинце» ослабла вынужденно: нам, редакторам и сценаристам, была необходима библиотека. Для уточнения фактического материала, для сверки цитат, за точность которых мы отвечали. А библиотеку свою еще там не завели, нам выделили библиотечные дни. Так что к местам встреч добавились еще прилегающие к Старосадскому переулку скверы, ибо в Старосадском

стояла Историческая библиотека: «историчка», в которой мы занимались. Я очень любил эту библиотеку, особенно зал истории СССР, в который нас записали. Тихо, спокойно. Я бы сидел там от открытия до закрытия, да так часто и было (однажды я в шутку написал для стенгазеты библиотеки: «Истерично люблю «историчку»), но если вместе со мной был Кредич и компания, заниматься мне давали лишь до обеда. Меня вызывали на перекур и говорили, что пора думать об насчет радости.

В очередях Кредич не стоял никогда. Ни в каких. К кассе, к прилавок шел, раздвигая препятствия, состоящие из живых людей. Когда очередь возмущалась, он оборачивался к ней и громко, но в то же время и горько, говорил: «А я импотент, — держал паузу и тише добавлял: — И не хочу, чтобы кто-то оказался на моем месте».

— Видишь, — поучал он, раскладывая кильку, называемую в просторечии «хором Пятницкого», — прием безошибочен. Скажи я, что боролся с бандеровцами, обязательно найдется еще какой-то борец. Сработай под безрукого, найдется безногий. А тут не закричат же мне: «И я импотент, а вот стою же!»

Кредич хорошо пел. Это было его огромное достоинство. Он говорил, что когда-то оказался в одном застолье с Глиэром и что тот пришел в восхищение от его голоса, сказав: «Какая замечательная варварская глотка!». Кредич пел не только выпив, он мог и так спеть, если попросить. А просил я часто, как бывала возможность. Сидим, бывало, под цветущей сиренью в Останкинском парке среди бела дня, и Кредич негромко, он не нажимал на голос при пении, поет: «Думи мои, думи мои, квити мои, дити! Виростав вас, доглядав вас — де ж мени вас дети?.. В Украину идить, дити! В нашу Украину, пипидитню, сиротами, а я тут загину».

Надо ли переводить? Все тут ясно. Строчку «А я тут загину» Витя пел почти шепотом и обреченно. Актер он был превосходный. Так пел и играл, что доводил до слез, когда и я с ним думал, что я тоже тут загину.

Как актера его приглашали постоянно, но он не хотел из гордости, так как звали на эпизоды и звали прежние дружки по ВГИКу, уже снимавшие полнометражки. Но один раз, соблазненный чином генерала, который следовало представить, Кредич согласился, и я сам видел, как в перерыве, сидя в буфете в генеральской форме, Витя (по подлинному званию рядовой необученный) говорил консультанту фильма — полковнику: «Полковник, чашку кофе». И полковник шел за чашкой кофе и приносил. Что значит форма.

И в жизни не мог сыграть. После дождя на узкой улице на нас сади наезжал автомобиль. Водителю было плевать на наши плащи, он бы даже задавил нас с радостью — заняли всю улицу, и он думал, что мы отскочим в сторону. Витя мгновенно сделал зверское лицо, оскалился в сторону водителя и резко нагнул, будто за камнем, —

движение, которым пугают собак. Водитель сбросил скорость и объехал нас.

Еще Кредич обладал силой внушения, гипнозом. Едем в электричке. Все без билетов. Навеселе. Идет контроль. Кредич, сам без билета, говорит контролерам, показывая на нас: «Эти со мной», — и продолжает разговаривать. Контролеры идут дальше.

А вот пример убедительнее. Вечер. Деньги кончились. Осталось еле на пиво. Расставаться не хочется. Денег взять негде. Мы на Ярославском. Очередь в ресторане нескончаемая. Кредич испытанным способом проникает внутрь. Дверь через минуту распахивается, но только для нас. Это не все. В ресторане нет пива. «Уходим!» — решительно заворачивает Кредич. Ведет нас на Казанский, проходит через еще большие заслоны, проводит нас. Велит мне работать под иностранца, все мое дело — только мычать или, обводя руками огромное пространство ресторана, восклицать: «Шьюсьефф!» От себя я при приближении официанта добавлял, указывая на потолок: «Лансерел!» Скоро столик позеленел от бутылочного стекла. Как расплачиваться, мучились мы, но с нами был Кредич, а он наговорил администратору, что сопровождает секретного иностранца и что иностранцу приспичило выпить пива именно на Казанском вокзале, что сам Кредич рвется домой, тем более язва, но — служба! Нас проводили через служебный выход и рады были, что уходим, рады были нам заплатить.

Своей извзой Кредич терроризировал литдраму. Опаздывал — язва. Надо уйти пораньше — язва. «Кислотность у меня даже не нулевая, — говорил он, — давно на минусе. А все сухомятка, вот они — подвиги юности». Но язва смирялась перед радостями жизни. «Сейчас она на меня глазенки вытаращила, изумляется, — такой репортаж вел Витя, держа в руке «аршин», как на тогдашнем жаргоне звали стакан, — молчи, зараза! Все равно сильнее жены грызть не сможешь». Жена у Кредича была, кажется, третья, кажется, татарка или башкирка, и, кажется, Кредича поколачивала. Так по крайней мере он жаловался моей жене по телефону, вызывая к сочувствию.

— Я понимаю, — рассуждал он, — женщины никуда от природы не денутся, они от нее зависят больше мужчин, но зачем им нужно непрерывное сознание нашей вины перед ними, скажи?

Кредич догадывался, что жена советуется со мной и советоваться не советовал, так как «Он — мой ученик», — заявлял он. Жена так и думала, и Кредичу многое прощалось.

Вряд ли я чему-то учился у Кредича, но многое через него понимал. Вот он недельный обозреватель передач литературно-драматической нашей редакции. А обозревателей двое. Второй, допустим, я. Кредич предлагает два варианта — рабочий, когда обозреватели договариваются, кто какие передачи смотрит, чтоб все подряд не смотреть, не мучиться, а второй вариант — ответственный, когда на летучке

ождается начальство из Комитета, вариант творческой дискуссии. «Ты об этом «Кабачке 13 стульев» будешь говорить плохо, а я хорошо».

«Почему,— возражал я,— я был на репетиции, на прогоне был, вроде весело получается». «Давай,— пожимал Кредич плечами,— как тебе лучше. Говори за, я буду против». «А как?» «А так»,— отвечал Кредич. И я много раз убеждался, что об одном и том же Кредич совершенно убежденно мог говорить и положительно и отрицательно. Тот же «Кабачок». «Да, смешно, не возражаю,— говорил он,— но это же пустой смех, он ничего не дает уму, не расширяет кругозор. Я не понимаю, как мы не думаем о направленности смеха». Или наоборот: «Да, смешно! И это прекрасно. Наши люди устают, и что может быть благородней, чем дать им разрядку, развлечь их. Это нужно!» Или для эффекта мог запузырить и такое убеждение: «Искусство вредно. Мы даем ложные образы, ложные образы искажают отношения!» «Почему ложные?» «Нет попадания в жизнь»,— отвечал Кредич,— есть попадание в образ, в искусство: но это не попадание в жизнь». Демагог он был еще тот. Кричал на летучке о малой оплате за сценарии (например, я писал сценарии для телевизионной серии «Жизнь замечательных людей», часовая передача, пишется долго, а оплата четыреста пятьдесят рублей, пойдй, заработай на кооператив, посиди-ка ночами в ванной), кричал Витя бескорыстно якобы. «Я же не о себе,— кричал он,— я о привлечении больших мастеров, а разве большие мастера пишут за копейки?»

— Большие мастера вообще бесплатно пишут,— сказал я ему после летучки. Мы пили кофе в полуподвальном огромном баре.

— Ты их видел? — спросил Кредич. — Не видел, и оставь. А прибавят тебе за сценарий, то разницу, я шучу,— сказал он под Райкина,— мне отдашь. Я не шучу.

Пригладываясь более внимательно, я видел, что Витя в своем утверждении, что обо всем можно говорить так и так, не одинок. Вот кричат друг на друга художественный руководитель объединения и его главный режиссер, кричат так, что не хватает только дуэльных пистолетов, чтоб разрешить их яростный спор во имя искусства. Враги на всю жизнь — и только. А идешь через полчаса после их крика в коктейль-бар, там они сидят и курят, хлопают друг друга по плечу, и телевизионные девицы умирают от счастья близкого сидения с ними.

Память моя была молодой, и я без натуги, с улыбкой вспоминаю, как Кредич встает среди потока слов любого оратора и ждет. Он не перебивает, но поневоле обращает на себя внимание. «В чем дело?» — спрашивает начальник.

— Это мы здесь в Москве такие умные,— говорит Кредич,— это здесь легко быть непризнанным гением, но вот стоит одинокий дом в снегу и торчит одинокая антенна телевизора. И этот телевизор для

этих людей — все! Их мир, их кругозор, их идейная направленность. Я думаю, нам стыдно уходить в теорию. Нужна конкретика, ее преломление. Да, экран дает двухмерное изображение, но я за трехмерность.

И Кредич сажился, довольный.

— Продолжайте,— говорил задетый начальник,— договаривайте. А вы пока сядьте,— замечал он оратору.

— Я к тому, что надо идти к образности! — восклицал Кредич. — К образности, от безобразности, ибо это безобразность.

— Это игра слов,— кричали с места.

— Как хотите, так и считайте,— говорил Кредич. — Но есть же непокрытость проблемы по многим квотам. Есть же наша неготовность к нестандартным ситуациям. Это-то очевидно.

— Что вы предлагаете? — задавал начальник отлитый в бронзе вопрос.

— Народ для нас или мы для народа? — Кредич уже стоял перед всеми. — Никто из нас жизни не знает, а в жизни, я иносказательно, часто где стол был яств, там гроб стоит. Безбрежность должна быть с рамками. Если наши интересы так узки, то нельзя их навязывать широте восприятия...

И еще многое в таком духе, балансируя на грани демагогии, выскателности и игры, говорил Кредич. Его способности обругать или хвалить одно и то же начальство использовало, когда ездило принимать на периферийные студии спектакли для Центрального телевидения. Это Кредич делал с удовольствием.

Ему были смешны мои разговоры о страданиях в выражении темы. Он смеялся, когда я, погибая от стыда, сидел рядом с режиссером за стеклянной звуконепроницаемой стеной, за которой бедные во всех смыслах актеры говорили мой текст. «У них такая профессия,— говорил Кредич,— было б им плохо, ушли бы в управдомы».

Искренне думаю, что я хорошо на него влиял. Он перестал, при мне по крайней мере, говорить по телефону про выдуманные несчастья неизвестным людям.

Когда я ушел с телевидения, мы все еще встречались. И я увидел, что не из-за денег, не из-за выпивки он тянется ко мне, а оттого, что я был благодарный слушатель. Думаю так.

— «Вмила мати брови дати, кари оченята. Та не вмила на сим свити щастя-доли дати», — пел Витя. Мы сидели на камне у пруда внутри ВДНХ. — «А без доли биле личко — як квитка на поли: пече сонцке, гойда витер, рве всякий по воли».

Поссорились мы все-таки из-за Витино го черного юмора. Простившись с ним на вокзале (мы жили на разных направлениях), я вернулся домой. И лег спать пораньше. И уже задремал. Жена в ужасе схватила меня за руку, она говорила с кем-то по телефону, я слышал сквозь дрему, но не прислушивался.

— Встань, Кредич хочет повеситься.
— Да ну его, пусть лучше споет,— отвечал я, поворачиваясь на другой бок.

— Это ужас! — воскликнула она и побежала обратно к телефону, и потрясенно сказала в трубку: — Да-да, он так и сказал.— Потом я слышал звяканье аптечного пузырька и считанье сердечных капель.

Оказывается, Кредич проделал одну из милых своих шуток. Он позвонил и сказал моей жене, что стоит на табуретке, голову всунул в петлю. Он описал, из чего и как сделал петлю и как прикрепил ее к потолку, к кольцу, на котором когда-то висела колыбель неизвестного ребенка, потом люстра. А он люстру снял, зачем ему люстра, ведь поговорить по телефону и повеситься можно и в темноте. «Ты не расстраивайся, ложись спать, я написал в записке ваш телефон, но и просьбу, чтоб вас раньше восьми утра не будили. Мне-то уж что — час туда, час сюда ничего не значит, а вы хоть нормально поспите. С мужем не советуйся, а то скажешь ему правду, он ответит, пусть, мол, старик Кредич лучше споет. Я спел свое». Тут как раз жена меня растормошила, и я именно так и сказал: пусть лучше споет. «Я же предвещал такой ответ,— довольный, ответил Кредич.— Продолжаю репортаж с петлей на шее».

Но, конечно, не умер он тогда. Играл. И потом шутил, каждый раз убеждая мою жену в истинности замысла. Умел. И, видно, доигрался. Но умер не в петле, не от язвы. От чего-то другого.

ПЕТУШИНАЯ ИСТОРИЯ

Двор у бабы Насти проходной. Но теперь надо писать: двор у бабы Насти был проходным. То есть проходным он остался, но по нему никто не проходит. Все бояться нового петуха бабы Насти. Говорят: этот петух хуже собаки.

Этот петух заменил старого петуха бабы Насти, который был не только стар, но и драчлив. И однажды, когда петух подскочил сзади и до крови клюнул в ногу, баба Настя не выдержала:

— Из-за тебя, дурака, без яичницы сижу, так еще и бьешься. Сам напросился.

На что напросился петух, ясно. Но каково курам без петуха? Разброд и шатания начались в их бестолковом стаде. И баба Настя поехала в Балашиху за новым петухом. Купила быстро и дешево. Петуха продали связанным.

— В автобусе чуть не задавили,— рассказывала она,— у меня ж не корзина, а сумка, и ее жмут. Нет, выжил. Вначале-то думала — хана: раскрыла сумку, а он глаза завел. Подох, думаю. Ноги развязала, он ими подрыгал, вроде как проверил, и еще лежа заорал.

Ой, если б знала, я б его сама задавила, я б его из сумки прямо в кастрюлю.

У бабы Насти был и сейчас есть песик Ишка. Завели его все по той же причине проходного двора. Песика принесли совсем маленьким. Ишкой его назвала правнучка. Она приехала в гости и долго мучила щенка, думая, что с ним играет. Он ухватил ее за руку беззубыми деснами. «Ишь как! — закричала она испуганно. — Ишь как!» Ишка жил не тужил, тывкал на прохожих, на ночь просился в дом, а в доме подружился с Барсиком, огромным, больше щенка, котом. Бедные, они так недолго были счастливы!

К моим приездам у бабы Насти скапливалось много рассказов о событиях на работе, она работает вахтером, о переменах в ее гигантской родне. Но с появлением нового петуха все рассказы стали только о нем. Когда я, не зная о покупке его, приехал и поздоровался, баба Настя поглядела на меня восторженно и восхищенно сказала:

— Живой?

— Живой.

— А как по ограде шел?

— Да так и шел.

— А его не встречал?

— Кого?

— В огороде, значит, дьявол, — сказала баба Настя, и мы сели пить чай.

Тут-то я узнал о новом петухе — он всех принимал за врагов, наскикивал на всех, не учитывая ни пола, ни возраста, ни размеров.

— Прямо хоть пиши: осторожно — злой петух. Засмеют. Палки видел у калитки? Не заметил? У крыльца тоже стоят. Приспособились. Иду от крыльца до забора с палкой, там оставляю, с работы приеду, беру у забора палку, иду до крыльца.

— Рубить будете? — спросил я как о решенном.

— Жалко.

— Но если вы говорите, что всех испугал, наскикивает. Опять дождетесь, что в кровь исклует. Как тот.

— Этот и убить может, — сказала баба Настя, — но ведь несутся-то как. Да ты посмотри, какие крупные, — погордилась она, показывая полную миску белых яиц. — А две так и вовсе по два в день несут. А уж как двоят-то его!

— Пойду, посмотрю.

— Без палки не вздумаю.

— А как вы их кормите?

— Он, дьявол, кормить дает, это единственное. А уж яйца в потемках собираю.

Я вышел на крыльцо. Во дворе было пусто. Но ощущение незримой опасности уже не позволило сесть беззаботно на лавочку и радостно думать, что сейчас буду топить печку, разбирать привезенную еду и работу. Вдруг Ишка, старый знакомый, подал голос.

— Где ты? Ишка, Ишка.

Песик заскулил и выполз из-под крыльца. Да, видно, многое переменилось. То-то он не лалял сегодня, не бежал навстречу.

— Ишка, что ж ты, петуха испугался?

Ишка виновато скулил, мол, не знаешь, а упрекаешь, подползал под руку, чтоб его погладить, и вдруг, первый увидя врага, отпрыгнул и ускачил под крыльцо.

Резко повернувшись, я увидел огромного белого петуха. Петух стоял на бугорке и меня рассматривал. Я стал отступать, ища глазами палку. Мое отступление петух истолковал как свою победу, вытянул, взмахами крыльев погнав в мою сторону пыль и мелкий мусор и прокукарекал.

— Смотри-ка, не тронул! — это сказала баба Настя. Оказывается, она наблюдала за встречей в дверную щель.

— И не тронет, — самонадеянно уверил я.

Но, занимаясь хозяйством в своей боковушке, я все помнил про петуха. Решил закрепить мирное сосуществование подарком. Накрошил хлеба, обрезал корки с сыра. Только стал открывать дверь на улицу, как с той стороны, еще до моего появления, грудью в дверь ударился петух. Удар был силен, корм вывалился из рук. Я свирепо схватил палку, оттолкнул от себя дверь и вышел. Петух отскочил.

— Дурак ты! Миссию доброй воли не понимаешь. — Я собрал и бросил на землю приготовленную еду.

Петух стал клевать, поглядывая на меня. Я прислонил палку к стене. Он издал призывный крик, на который мгновенно примчались куры, а сам... кинулся на меня. Еле-еле успел я запрыгнуть за дверь.

Стыдно сказать, еще несколько раз за день я выходил и униженно заискивал перед петухом, разнообразил меню кормления. Петух нападал и до и после кормежки. За водой и дровами я ходил с палкой. Налил в корытце воды. В воду петух залез с ногами и презрительно в ней подрыгал. Не ценил он мои миротворческие усилия.

— Гад ты, подколодный ты гад, — объявил я, выплескивая в его сторону остатки воды, давая этим жестом понять, что не боюсь петуха, что с поисками мирного сосуществования покончено.

Вечером, когда спящие к ночи куры полезли на насест, я пошел с бабой Настей посмотреть дремлющего петуха. А и красив же он был, огромный, белый, с небольшой бородкой и гребнем. Баба Настя, довольная количеством яиц, все-таки палку держала под мышкой.

В следующий приезд повторилась та же история — петух нападал непрерывно. Из новостей было — Ишке сделали конуру из бочки. Но даже и в конуру, рассказала баба Настя, врывался петух. Но только раз. Видимо, лишаемый последнего пристанища на белом свете, Ишка решил сопротивляться до упора. Петух вырвался без нескольких перьев. Ишка отстоял неприкосновенность жилища. Одно перо, размером с павлинье, досталось мне.

Теперь выходили мы во двор только по вечерам. Осмеливался выйти и Барсик, играл с Ишкой. На земле они играли на равных, но как только Барсик впрыгивал на поленицу, Ишка испуганно мчался в конуру, видно, Барсик, заняв высоту, напоминал петуха.

— Несутся хорошо,— вздыхала баба Настя.

— Да и спокойно,— поддерживал я.— Днем петух охраняет, ночью собака.

— Нервы мои скоро кончатся,— говорила баба Настя.— Уж и яйца не в радость, тряусь от страха, вдруг кого покалечит, не расплачусь, из-за него приезда внуков лишилась, всю родню отбил.

Ее рассказы о петухе напоминали боевые сводки, с тем лишь отличием от настоящих, что в них был одинаковый финал — победа за петухом. За одной соседкой он гнался через три дома по грядкам, загнал в туалет и туалет чуть не повалил. Другую соседку держал два часа за калиткой, не давал выйти на улицу, а сам небрежно, как гвардеец кардинала, даже не глядя на заключенную, гулял по осенней траве. На меня он нападал по-прежнему. Этот разбойник никогда не признавал себя побежденным. Даже отступая от палки, он преподносил свое отступление не как бегство, а как выполнение давно задуманного стратегического плана отхода на подготовленные позиции с целью заманивания противника, изматывания его сил и скорого подавления превосходящими силами и малой кровью. Еще из новостей было то, что начали нестись даже молодые курочки, летошние и весношние, по выражению бабы Насти.

Иногда петух делал дальние походы, и о его победах сообщали через вторые и третьи руки. В походах он не связывался с людьми, воевал только с петухами. И всегда побеждал. Так что постепенно он стал владыкой и двора бабы Насти, и сопредельных территорий, и вообще всего Никольского. Будь у нас в моде петушьи бои, наш петух не посрамил бы чести Никольского и остальных наших сел.

На день рождения к бабе Насте гости собирались с опаской. Но им сказали, что кур в этот день не выпускают на волю, так что гости успокоились. А за столом только и было разговоров, что о петухе, о его подвигах. Тут и мужчинам захотелось совершить подвиг. Они пошли в курятник, изловили петуха и принесли его, безголового, лежащего на большом блюде.

— Держи,— гордо сказали они бабе Насте,— вот твой губитель!

И баба Настя, принимая блюдо, заплакала навзрыд.

Но это была шутка. Петуху особым способом повернули шею и спрятали голову под крыло, он затих. А когда голову достали из-под крыла и шею распрямили, то он так яростно взмахнул крыльями, что гости аж присели и побыстрее открыли петуху двери на улицу. Отшвырнув с дороги Барсика, комкая половики, петух вышел на улицу, где вскоре завизжал несчастный Ишка.

Как гадать, чем бы все кончилось, но произошло событие, и событие очень не рядовое — петух полюбил. Не смейтесь и не отказывайте ничему живому в этом чувстве. Цветок любит хозяина, и дерево способно помнить добро и зло, что уж говорить о теплокровном двуногом существе, каковым являлся наш петух.

Любовь сразила его по весне. Обойдя посуху село Никольское и убедясь, что оно, как и прежде, подвластно ему, петух заметил, что на отшибе, как бы уже на хуторе, находится еще один дом, а возле него пасутся куры во главе со своим петухом. Туда ничтоже сумняшеся и двинулся наш разбойник, и именно там он увидел эту курочку, а увидя, забыл все на свете, кроме нее. Я потом, опять же не смейтесь, специально ходил смотреть эту курочку. О, это была красавица редчайшая, это была сказочная курочка-ряба. Пестренькая, в меру полненькая, любопытная, но несуетливая. Можно понять нашего петуха. Но можно понять и бабу Настю — куры перестали нестись. Как только она не кормила петуха, как только не выговаривала. Я присутствовал при этих нотациях. Присутствовать было безопасно, ибо, полюбив, петух резко переменял характер, стал смиреннее любой курицы и молча выслушивал упреки.

— Такой ты растакой, да неужели ж ты и сегодня укусолапишь, да как это ты можешь своих куриц бросать, да ты посмотри на них, какие красавицы, какие беляночки, да неужели ж они хуже этой рябухи?

Курицы возмущенно кудахтали. Петух молча наедался, молча уходил за калитку и только там радостно кукарекал, будто сообщал возлюбленной о своей верности и о своем направлении к ней. Он шел через покоренное Никольское, шел по тротуару, иногда срываясь на бег, шел, никого не трогая, и так каждый день. Около курочки-рябы он являл вид глубочайшего смирения, искал для нее букашек и червячков, а к ночи шел ужинать и ночевать во двор бабы Насти.

— Придется рубить, — решила наконец баба Настя, объясняя причину своего решения тем, что внуков и внучек надо кормить хоть иногда яичницей.

— А почему же он привязался к этой курице?

— Ой, не знаю, — засмеялась баба Настя, — наверно, потому, что она мамина-папина, а он инкубаторский, сирота. Вот и потянуло.

Но петуха не успели зарубить, жизнь внесла свои коррективы. На пути его встал другой петух. А где же он был раньше? Да тут и был. И каким-то образом они ладили. Нашему петуху было дело только до курочки-рябы, а остальных пас прежний петух. Тоже домашний, не инкубаторский. Он вовсе был произведением искусства, будто выкован из огня и меди, сверкающий на груди золотыми и бронзовыми перьями кольчуги. Как он уступил вначале без боя курочку-рябу, непонятно. А ее это, видимо, обидело. Тут можно только догадываться. И она то ли

сама пожелала вернуться в стадо, то ли петух ей велел пастись со всеми.

И вот в это несчастное для нее утро курочка-ряба не подошла к нашему петуху, как бы не заметила его. Он позвал раз, другой — она хоть бы что. Красный петух на петушином языке сказал нашему петуху, ну чего, мол, ты привязался, видишь, не хочет к тебе идти, и отстань. «Замолкни!» — велел ему наш петух и еще позвал курочку-рябу. И снова она не пошла к нему. Тогда он подошел и стал оттирать ее от стада. На его пути встал красный петух.

И они схлестнулись.

Самой битвы я не видел, и баба Настя не видела, но ей рассказали, а она мне. Петухи не унижались до мелкого клевания друг друга, не стояли набычившись, топорща перья на шее. Они бились насмерть. Расходились, враз поворачивались и мчались навстречу. И сшибались. Да так, что земля в этом месте окрашивалась хоть и петушиной, но красной кровью. И вновь расходились. И вновь сшибались. Потом, полумертвые, разбредались в свои курятники, отлеживались, и вновь шел на битву потомок инкубатора. Было такое ощущение, что уже и никакая курочка-ряба ему не нужна, но дикое чувство злобы к сопернику оживляло его силы.

В дело вмешались люди. Ведь не только бабынастины куры перестали нестись, но и подруги курочки-рябы. Чего-то надо было решать. Ну, кто же догадается, какое было принято решение? А такое, от которого курочка-ряба приказала долго жить. Увы. Когда на следующее утро наш реваншист пришел на поле боя, хозяйский петух упал с первого удара. Еле встал, его снова сшибли.

Больше они не дрались. То ли от ран, то ли от любви к казненной курочке-рябе красный петух стал чахнуть и умер бы от того или другого, но такой смерти, такой роскоши петухам не дозволено, и он умер досрочно.

А что же наш разбойник? А наш хоть бы что. Вновь стал драться, вновь загнал воспрянувших было Барсика в избу, а Ишку в конуру, вновь ходим по двору с палками, вновь внукам не велено приезжать. Только что загнал меня в избу. Сижу и записываю петушиную историю. Допишу, покажу ему написанное, может, выпустит.

СОДЕРЖАНИЕ

Возраст любви	3
Передаю	4
На почте	4
Не рой другому яму	6
Страх	7
До чего дошли	7
Колокол	8
Леворучка	9
Синий дым Китая	11
Ножичек	13
Агрегат	14
Марина-Марин	15
«Сокол»	17
Бочка	18
Жеребьевка	20
Восьмой источник	21
Розыгрыш	23
Дыхание	24
Старая дева	24
Привиделось	25
По требованию	25
Случай	25
А ты улыбайся!	27
Баня горит...	28
Левый жених	29
Розовый свет	30
На каком языке?	33
Отцы	33
На родине	34
Эфирное время	34
Петушинная история	41

Владимир Николаевич КРУПИН

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ

Редактор Д. К. И в а н о в

Технический редактор О. Н. Л а с т о ч к и н а

Сдано в набор 14.08.86. Подписано к печати 15.10.86. А 00747. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,96. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000. Изд. № 2718 Зак. 3542. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета — 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной лотереи